

Тартуский университет  
Колледж мировых культур и языков  
Отделение славянской филологии  
Кафедра русской литературы

**Рецепция литературного журнала «Простор» в годы  
редакторства И.П. Шухова — 1963–1974 гг. (на  
материале эго-документов современников)**

Магистерская работа  
студента V курса  
отделения славянской филологии  
Сергея Кима

Научный руководитель  
Р.Г. Лейбов

Тарту  
2019

## Оглавление

Введение .....	3
1. И.П. Шухов и «Простор», который ему достался .....	7
2. Резонансные публикации в шуховском «Просторе» (1963–1974 гг.) .....	14
Заключение.....	40
Литература .....	42
Kokkuvõte .....	44

## Введение

Смерть Сталина 5 марта 1953 года без преувеличений можно назвать одной из крупнейших исторических вех в истории Советского государства. Политические процессы, запущенные этим событием, довольно скоро привели к кардинальным преобразованиям во всех областях общественной жизни, в том числе и в культуре, что представляет для нас наибольший интерес. Та монолитная и жестко иерархическая ее модель, выстроенная самим генсеком в несколько этапов<sup>1</sup>, без былой поддержки репрессивных органов вскоре начала давать трещины и к концу 80-х годов, после объявления Горбачевым «гласности», практически превратилась в колосса на глиняных ногах. Процесс разложения и демонтажа этой системы представлял собой постепенное отвоевывание у государства отдельными «работниками культуры» и их объединениями права на относительную независимость от политической конъюнктуры.

В литературе главной ареной этого «боя» стали литературные журналы и газеты. Они выступали в качестве трибун и рупоров для литераторов и партийных деятелей, защищавших свои интересы с помощью различного рода публикаций. Уже к концу 50-х годов все основные журналы можно было расположить на оси в промежутке между двумя полярными изданиями: «Октябрем», лояльным наиболее консервативным членам Политбюро и ЦК партии и продолжающим культивировать стандарты соцреализма, и прогрессивным «Новым миром», который (делая скидку на личные предпочтения главного редактора Твардовского и его сотрудников) пытался печатать более актуальную литературу, в том числе порой идущую вразрез с интересами многих, включая и весьма влиятельных, партийных функционеров.

В те годы, особенно после развенчания культа личности Сталина на XX съезде КПСС в 1956 г. в докладе Хрущева, многие дискурсивные табу пошатнулись (например, запрет на упоминание сталинских лагерей и незаконных арестов, что доказывает публикация в августе того же года романа Дудинцева «Не хлебом единым» в «Новом

---

<sup>1</sup> Как нам кажется, можно говорить по крайней мере о двух этапах культурной политики, направленной на тотальное подчинение культуры власти. Первый этап датируется началом 30-х годов, когда Сталин уже окончательно монополизировал политическую власть после устранения своих прямых конкурентов и решил укрепить ее за счет ресурсов пропаганды. Создание творческих союзов (об этом вкратце речь пойдет дальше), усиление цензуры послужили инструментами для осуществления его целей. Второй этап начинается сразу после войны и длится вплоть до 1953 года. Постановление Политбюро 1946 г., направленное против журналов «Звезда» и «Ленинград», послужило предзнаменованием новой волны ужесточения культурной политики.

мире»). В условиях неопределенности новых рамок дозволенного, противоречивости вкусов самого Хрущева, инициировавшего эту историческую ревизию, повлекшую за собой громадные политические последствия, борьба на литературном поле разворачивалась за публикации маргинальных текстов, балансирующих на грани табу. Речь шла о произведениях репрессированных авторов, идеологически неоднозначных текстах, а также любых других, по каким-то причинам не вписывающихся в прокрустово ложе советской официальной литературы.

В это «оттепельное» время многие провинциальные журналы, в том числе выходившие в столицах союзных республик СССР — вроде «Литературной Грузии», «Литературной Армении» или «Звезды Востока», — беря в пример «Новый мир» Твардовского, тоже печатали такую литературу, которую нельзя было представить на страницах официальных журналов в сталинское время. Не столь ретивая цензура на местах это позволяла (к тому же последствия для работников этих журналов часто тоже были не столь болезненны, как, например, в Москве или Ленинграде). Одним из таких журналов был алма-атинский «Простор», который в 60–70-е годы получил общесоюзную известность. Собственно исследованию значения журнала в историко-литературном контексте в рамках обозначенного периода и его роли в расширении поля официальной литературы и посвящена данная работа.

Взлет популярности «Простора», как мы попытаемся показать дальше, был обусловлен во многом (если не исключительно) стараниями его главного редактора с 1963 г. по 1974 г. — писателя Ивана Петровича Шухова. Шухов с 30-х годов был, наверное, самым признанным русскоязычным писателем Казахстана. Его дебютные романы «Горькая линия» 1931 г. и «Ненависть» 1932 г. сразу же вошли в соцреалистический канон. Уже в первом сборнике «Советская литература Казакстана» за 1933 г., который впоследствии, несколько раз меняя названия и форматы, стал в 1960 г. «Простором», была помещена хвалебная статья критика М. Сильченко «Шухов-художник», которая начинается следующим образом: «Казакстан вправе гордиться тем, что в лице И.П. Шухова он дал всему Советскому Союзу автора „Ненависти“, произведения, упоминаемого наряду с „Поднятой целиной“ Шолохова, „Станицей“ и „Разбегом“ Ставского, „Брусками“ Панферова, „Когтями“ Пермитина, как „подлинный актив нашей художественной литературы, посвященной деревне“<sup>2</sup>. Писатель с момента основания журнала неоднократно появлялся на его страницах в качестве автора, переводчика, а со второй половины 40-х годов — члена редколлегии.

---

<sup>2</sup> Советская литература Казакстана, 1934. №1. С. 137.

В 1963 г. в истории журнала начался новый этап — десятилетие редакторства Шухова. Достаточно полно важнейшие публикации перечислила сотрудничавшая с «Простором» в то время Людмила Варшавская:

«Джан» и «Седьмой человек» Андрея Платонова, стихи репрессированных и преданных забвению Павла Васильева и Осипа Мандельштама, Сакена Сейфуллина и Ильеса Джансугурова, «Тысяча дней академика Вавилова» Марка Поповского, «Нестор и Кир» Юрия Казакова, «Последний хиромант» Фазиля Искандера, «Поезд уходит» изгнанного из страны Анатолия Гладилина [...] воспоминания Александры Есениной о ее брате Сергее Есенине, поэтические строки опальных Анны Ахматовой и Ольги Берггольц, известные на Западе и никому не известные в Советском Союзе стихи, и прозу лауреата Нобелевской премии Бориса Пастернака, статьи потомственного дворянина Николая Раевского о зарубежной пушкиниане, «крамольные» произведения Михаила Дудина, Юрия Домбровского, Николая Вирты и других. Специально для журнала был переведен антифашистский роман Ремарка «Ночь в Лиссабоне» [Шухов, 2004, 2004: 174].

Шухов и его сотрудники пытались превратить провинциальный журнал в большой литературный феномен. И здесь сразу возникают вопросы: насколько эта попытка удалась, насколько журнал был успешен среди разных читателей, являлся ли относительный успех «Простора» исключительно локальным или нет, мог ли алма-тинский журнал конкурировать с большими столичными журналами вроде «Нового мира» или «Юности», каков был статус «Простора» для авторов, которые отправляли туда свои рукописи? Для того чтобы подобраться к ответам на эти вопросы, мы решили основным материалом исследования сделать эго-документы современников журнала (авторов и наследников, публиковавших тексты, и читателей) и посмотреть, какой образ журнала складывается на основе этих документов.

В **первой главе** работы мы коротко остановимся на фигуре самого Шухова, коснемся его биографии, а также рассмотрим историю «Простора» до 1963 года, когда Шухов стал главным редактором журнала. Мы также опишем его редакцию и попытаемся выяснить, насколько вообще правомерно и продуктивно сравнение «Нового мира» и «Простора». В конце первой главы объясняется принцип классификации рассматриваемых нами во второй главе публикаций. Он основывается на характере запрета, который каждая резонансная публикация нарушает (мы исходим из предположения, что именно нарушение запрета любого рода способствовало привлечению читательского внимания). Такие тексты делятся нами на три категории: 1) табуированные сталинским идеологическим метадискурсом; 2) посягающие на авторитет

влиятельной номенклатурной группы; 3) противоречащие эстетическим канонам официальной советской литературы.

Во **второй главе** мы прослеживаем истории публикации и читательскую рецепцию напечатанных в журнале текстов из всех групп определенной нами выше классификации. Так, к первой группе мы относим подборку поздних стихов Мандельштама, вышедшую в №4 за 1965 г., а также повесть Платонова «Джан» (№9, 1964 г.), ко второй группе — повесть Марка Поповского «Тысяча дней академика Вавилова» (1966 г., №№7–8) о противостоянии Вавилова и Лысенко в конце 30-х годов, а к третьей — верлибры ленинградского поэта Геннадия Алексева (№6 за 1968 год и №3 за 1969 год). Также отдельно мы рассматриваем неудавшуюся публикацию Солженицыным первой части «Ракового корпуса» в «Просторе», переговоры о которой шли в 1966–1967 годах. Все эти публикации, а также материалы, с ними связанные, как нам кажется, позволяют в достаточной степени оценить значимость журнала в общесоюзной литературной жизни.

В **Заключении** мы подводим итоги работы, а также формулируем некоторые гипотезы, подтверждение или опровержение которых могут представить интерес для последующих исследователей этой темы.

## 1. И.П. Шухов и «Простор», который ему достался

Биографию И.П. Шухова можно очень схематично разбить на два периода: до 1963 года, когда он был «казахстанским Шолоховым»<sup>3</sup>, и после, когда он возглавил журнал «Простор» и стал «казахстанским Твардовским»<sup>4</sup>. Собственно, первый период, во время которого сложилась его практически безукоризненная репутация советского писателя, сделал возможным и подготовил назначение на пост главного редактора органа Союза писателей Казахстана. Стоит этот отрезок его жизни кратко рассмотреть.

Между судьбами Шухова и Шолохова действительно много пересечений, которые дают повод для сравнения писателей. Они принадлежали одному поколению: Шухов родился в 1906 году в североказахстанской станице Пресновской, Шолохов — в 1905-м в ростовской станице Вешенской, они почти одновременно вошли в литературу — в конце 20-х годов, оба написали большие романы о казачестве и деревне и рано получили признание. Первые романы Шухова «Горькая линия» (1931) и «Ненависть» (1932) так и остались его самыми важными произведениями, которые позднее переиздавались. В начале 30-х годов молодого писателя взял под свою опеку Горький. В целом это был образцовый жизненный путь пролетарского писателя: начиная от рождения в бедной крестьянской семье через учебу на рабфаке и работу корреспондентом в «Крестьянской газете» до становления официальным советским писателем. Единственный неприятный эпизод, бросивший тень на молодого литератора, случился в 1937 г., когда Совет жен писателей выдвинул обвинение Шухову в жестоком обращении с женой. Началась его газетная травля, состоялся суд, в результате которого все обвинения с него были сняты. Как он записал в своей автобиографии в 1940 г., «...в результате обстоятельного расследования моего дела и суда надо мной и благодаря вмешательству прокурора ССР тов. Вышинского было установлено, что все самые тяжкие обвинения, выдвинутые против меня в письме отца моей бывшей жены, опубликованном в мае 1937 года в газете „Комсомольская правда“, оказались неосновательными. Суд присудил меня к двум годам условного наказания, но потом судимость с меня была снята в июле 1938 года. Комиссией партийного контроля при ЦККП (б) К я был восстановлен кандидатом партии» [Шухов, 2004: 218]. В конце 30-х годов Шухов возвращается в Пресновку, при этом его книги продолжают публиковаться. В 1936 г. выходит роман «Родина», в 1940 г. —

---

<sup>3</sup> В книге воспоминаний современников о Шухове писателя неоднократно называют «казахстанским Шолоховым» [Шухов]. См. также название статьи Токатовой Л.Е. «Казахстанский Шолохов» // ЁЛКЕТАНУ, 2004.

<sup>4</sup> О взаимоотношениях Шухова и Твардовского частично речь пойдет дальше в этой главе.

«Действующая армия». Во время войны Шухов редактирует пресновскую газету «Ударник». На 50-е годы, как пишет Илья Шухов, сын писателя, «приходится всплеск творческой активности [...], связанный с развернутыми в стране новыми аграрными преобразованиями — освоением целинных и залежных земель. Оказавшись в эпицентре этих событий, Иван Петрович по горячим следам написал книги очерков „Покорители целины“ и „Золотое дно“, вышедшие одна за другой в Москве в 55-м и 57-м годах. Тогда же, в 57-м, московское издательство „Советский писатель“ опубликовало переработанный роман „Ненависть“ с иллюстрациями Ираклия Тоидзе» [Шухов, 2004: 45]. Чуть раньше, примерно со второй половины 40-х годов, Шухов уже входит в редакцию журнала «Советский Казахстан», который в 1960 году будет переименован в «Простор» и который еще через 3 года ему предстоит возглавить. Здесь нужно отвлечься от Шухова и проследить, как «Простор» развивался с момента своего основания и что он из себя представлял к 1963 году.

Журнал «Простор» поменял за свою историю много названий, но он всегда был органом Союза писателей Казахстана (является им и поныне). Соответственно, его появление связано со сталинским объединением культуры и появлением творческих союзов в результате постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г. В июле 1934 г. тиражом в 5000 экземпляров был напечатан первый номер сборника «Советская литература Казакстана», который должен был выходить раз в два месяца. Ответственным редактором был назначен литературовед М.П. Баталов. Во вступительной статье было сказано, что «сборник прежде всего ставит своей главной задачей перевод на русский язык лучших произведений казахской литературы»<sup>5</sup>. Опубликованы были действительно переводы наиболее крупных казахских писателей того времени: И. Джансугурова, Г. Мусрепова, Б. Майлина, С. Сейфуллина. Кроме того, переводы Абая и современных уйгурских поэтов. В 1934 г., вопреки начальным планам, вышло только два сборника «Советская литература Казакстана». В 1935 г. он издается уже в новом формате — как журнал «Литературный Казакстан». «Существовавшие до сих пор альманахи „Советская литература Казакстана“ и декадная газета „Литературный Казакстан“ выходили не регулярно и по своему качеству не отвечали тем задачам, которые предъявлялись к ним партией и правительством Казакстана. Поэтому на одном из совещаний с писателями Казакстана тов. Мирзоян высказал мысль о необходимости преобразования литературного альманаха и газеты в высококачественный и регулярно выходящий журнал. В след за этим состоялись решения крайкома ВКП(Б) и Совнаркома КАССР об организации литературно-художественного и

---

<sup>5</sup> Советская литература Казакстана, 1934. №1. С. 8.



общественного-политического журнала „Литературный Казакстан“» — говорится в статье «От редакции». Журнал тем не менее содержательно мало чем отличался от своего предшественника. Его главным редактором в то время был Г. Тогжанов, позднее репрессированный и расстрелянный в 1938 году.

С 1935 г. журнал начинает выходить более регулярно, уже с 1937–1938 годов он становится ежемесячным. Со 2-го выпуска 1939 года журнал называется «Литература и искусство Казахстана», такое название сохраняется до 1941 года. Это изменение объяснялось февральским постановлением СНК и ЦК КП(б)К «О дальнейшем развитии искусства и литературы в Казахстане» 1939 г., где, в частности, был такой пункт: «Для популяризации творческой работы лучших театров и самодеятельных кружков и опыта передовых талантливых актеров, существующие республиканские литературные журналы реорганизовать в журналы литературы и искусства, сделать их органом Союза советских писателей и Управления по делам искусств, переименовав „Литературный Казакстан“ в журнал „Литература и искусство Казахстана“, журнал „Адебиет Майданы“ — в журнал „Адебиет жана искусство“»<sup>6</sup>. Постановление это содержало задачу поднять уровень местного театрального искусства — похожие постановления были приняты и в других союзных республиках. По-видимому, это все было следствием повышенного интереса Сталина к опере в частности и театру вообще во второй половине 30-х годов. В этом отношении С. Волков называет 1936 г. в качестве рубежного, поскольку именно тогда в «Правде» появилось «беспрецедентное» сообщение ТАСС «Беседа Сталина и Молотова с авторами оперного спектакля „Тихий Дон“», которое «оповещало всю страну о повышенном интересе и личной вовлеченности Сталина в оперные дела» [Волков: 329]. Это случилось 20 января, а примерно через неделю, 28 января, в той же «Правде» вышла статья «Сумбур вместо музыки», разгромившая оперу Шостаковича «Катерина Измайлова». «Все это указывает на то, — заключает Волков, — что Сталин к 1936 году был готов начать большую кампанию в области культуры, сосредоточившись на сей раз на секторе искусства: музыке, кино, архитектуре, живописи, театре» [Волков: 330].

Журнал, который мгновенно отреагировал на постановление СНК (переформатирован в том же месяце), был, по всей видимости, не вполне к этому готов. Подавляющая часть материалов остается за литературной частью. Появляется постоянный раздел «Искусство» со статьями о живописи, музыке и театре, но количество текстов в нем колеблется в среднем от одного до пяти. В таком виде журнал просуществовал около 2 лет — до середины 1941 года, во время войны его работа была приостановлена, издание возобновилось в 1946 году, но уже вновь с другим названием.

---

<sup>6</sup> Литература и искусство Казахстана, 1939. №2. С. 5.

С 1946 года<sup>7</sup> до 1950-го включительно он выходит как альманах «Казахстан» со сквозной нумерацией — за 5 лет было выпущено 23 книги. При этом по содержанию в этот период издание тяготело скорее к началу 30-х годов, нежели ко второй половине. Рубрика «Искусство» хоть и появлялась в некоторых выпусках, но была отнюдь не обязательной, чаще всего она содержала одну статью (реже — две или больше). С 1951 года сквозная нумерация была отменена, в 1951 и 1952 годах выходят по 6 выпусков альманаха ежегодно.

В 1953 году альманах вновь преобразовывается в журнал «Советский Казахстан», и это было уже то издание, прямым наследником которого можно назвать «Простор». В 50-е годы в журнале часто менялись главные редакторы: с 1953 г. по 1955 г. этот пост занимал писатель Л.В. Макеев, в конце 1955 г. главредом становится поэт Ф.А. Моргун, летом 1959 года его сменяет А.Ф. Филиппов, при котором журнал обретает свое окончательное название — «Простор» (с 1 номера 1960 года). В 1961 года до 1963-го журнал редактировал писатель Д.Ф. Снегин, а уже в майском выпуске «Простора» за 1963 года главным редактором значится Шухов.

Состав редакции при нем практически не изменился. Вокруг журнала и так были сосредоточены все значительные жившие в Алма-Ате литераторы, которых вообще было относительно немного (среди них, например, М. Симашко, Ю. Домбровский, О. Сулейменов, Н. Раевский, А. Жовтис). Обыкновенно им приходилось, помимо публикации собственных текстов, выступать еще и в качестве критиков и переводчиков. В журнале печатаются бывшие главные редакторы Д. Снегин, Ф. Моргун и Л. Макеев. При Шухове продолжают работать сотрудничавшие с журналом в 50-е годы критики: Н. Ровенский (в 1963 г. он возглавил отдел критики), П. Косенко, М. Каратаев, Е. Ландау. Заведующим отделом поэзии становится поэт и переводчик Валерий Антонов, а редактором отдела прозы — приглашенный в 1965 году Шуховым писатель Юрий Герт.

Шухов и его сотрудники в большой степени ориентировались на главный либеральный журнал того времени — «Новый мир». И сами сотрудники «Простора», и многие читатели в некотором смысле рассматривали его как филиал «Нового мира» в Алма-Ате, второй «Новый мир». Существует отдельная мифология, связанная с выявлением родственных связей между двумя журналами. Так, Илья Шухов в статье об отце воспроизводит фразу, якобы сказанную Суловым, членом Политбюро, ответственным за идеологию и культуру, первому секретарю ЦК КП Казахстана Кунаеву уже после отставки и смерти Твардовского: «Зачем нам еще ваш тамошний второй „Новый мир“?» [Шухов, 2004: 68]. Журналист Сергей Баймухаметов часто ссылается на

---

<sup>7</sup> В первом выпуске альманаха за 1946 год в редколлегии уже числится И. Шухов.

легендарную предсмертную реплику Твардовского: «Ничего... есть еще Иван Шухов, есть еще журнал „Простор“» [Шухов, 2004: 97] — и усматривает параллели в биографиях литераторов: «Твардовский умер через два года после изгнания его из „Нового мира“, в 1971-м. Шухов — через три года после изгнания из „Простора“, в 1977-м» [Шухов, 2004: 99]. Юрий Герт в мемуарах подчеркивает еще одну связь между журналами: «Твардовского „убрали“ <...> из „Нового мира“ в 1969 году, Шухова из „Простора“ — спустя пять лет. Эти годы для него были продолжением борьбы — но уже в одиночку: из его рук был выбит хотя и не самый убедительный для его противников, но все же аргумент: „А Твардовский печатает...“ Напротив, у наших врагов появилась новая угроза: „Доигрались в ‘Новом мире’?.. И вы доиграетесь...“» [Герт: 240]. Об отношении Шухова к Твардовскому тот же Герт пишет: «Перед Твардовским Шухов благоговел. В его светлых, немного навывкате глазах появлялось какое-то умиленно-радостное выражение при одном упоминании о нем. Твардовский был для него воплощением народного начала в литературе, народным поэтом. В Твардовском чувалось ему нечто близкое, родственное — в крестьянском начале (Иван Петрович был из рода сибирских казаков), в отношении к языку, в слиянии „правды“ и „искусства“, в презрении к самодовлеющему эстетству. Наконец — в понимании особого значения литератора на Руси, где писатель бывал еще и просветителем, и общественным деятелем, редактором или издателем — будь то Пушкин, Толстой, Достоевский, Горький... Вероятно, причастностью к этой — пропущенной через судьбу Твардовского — традиции Шухов тайком гордился, она придавала ему сил...» [Герт: 241].

В середине 1960-х годов Шухов все еще является самым успешным и признанным русскоязычным писателем Казахстана, но при этом его амплу редактора отводит на второй план все прочее. Шухов-редактор становится важнее Шухова-писателя. Он не перестает быть «казахстанским Шолоховым», но вместе с тем его новая роль «казахстанского Твардовского» гораздо ярче и крупнее. Уподобление же всего «Простора» «Новому миру», правда, выглядит не столь убедительным. В «Новом мире», кроме Твардовского, были сотрудники, способные создавать тексты, в значительной степени влиявшие на общественное мнение (как, например, В. Померанцев с его статьей «Об искренности в литературе», из-за которой Твардовского убрали в первый раз, или В. Лакшин — уже во второй срок Твардовского). Многие важные рукописи до главного редактора доводила сотрудница отдела прозы Анна Берзер — так было и с повестью Солженицына «Один день Ивана Денисовича». В «Просторе» же все без исключения громкие публикации были связаны с фигурой самого Шухова, его собственными попытками связаться с авторами и наследниками. Помогли в этом, конечно, и

литературные связи писателя, его личное знакомство с семьями Горького, Есенина, Павла Васильева и др. Вследствие этого отставка Шухова в 1974 г. мгновенно привела к падению статуса журнала, несмотря на то, что редакция почти в полном составе продолжала работу.

Именно поэтому период редакторства Шухова представляет собой интереснейший феномен оттепельной советской журналистики. Нас в первую очередь будет интересовать читательский взгляд, восприятие «Простора» извне, зафиксированное в эго-документах современников. Обнаруженные свидетельства являются в большинстве своем описаниями опыта сотрудничества публикаторов материалов с журналом или читательскими откликами. Так или иначе, все они группируются вокруг резонансных публикаций того времени, поэтому наша работа будет строиться по такому же принципу: описание отдельных публикаций и затем их репрезентация в разного рода эго-документах.

Далее встает вопрос классификации. Читательский успех отдельных просторовских публикаций всегда связан, как нам кажется, с нарушением какого-либо запрета, формализованного или нет. В связи с характером запрета возникают три группы текстов:

1. Тексты, табуированные сталинским идеологическим метадискурсом.
2. Тексты, посягающие на авторитет влиятельной номенклатурной группы.
3. Тексты, противоречащие эстетическим канонам официальной советской литературы.

Попытаемся объяснить, что мы понимаем под этими группами. В первую группу входят тексты, которые, упрощенно говоря, были непечатаемыми в сталинское время, а инерция на их запрет сохранилась даже после смерти Сталина и развенчания «культы личности». Сюда относятся тексты репрессированных поэтов и писателей, произведения писателей-попутчиков, эмигрантов и пр. Здесь мы отчасти опираемся на концепцию и терминологию Юрчака, изложенные подробно в книге «Это было навсегда, пока не кончилось». Исследователь говорит о том, что особенностью бытования культуры в сталинскую эпоху было то, что у нее был внешний по отношению ко всей государственной идеологии авторитетный комментатор, а именно сам Сталин [Юрчак: 102]. После же его смерти фигура внешнего комментатора вовсе исчезла, и «единственной публично видимой позицией теперь была позиция не автора идеологического языка, а его ретранслятора — то есть позиция человека, который лишь повторяет предыдущие авторитетные высказывания, не создавая новых. Именно эту позицию в 1960–1970-х годах занимали не только партийные референты и другие работники идеологической сферы, но

и партийные секретари всех уровней, включая партийное руководство и даже генерального секретаря ЦК партии» [Юрчак: 108–109]. Соответственно, многие сталинские оценки художественных текстов, воспроизведенные не напрямую, а опосредованно (например, в выступлениях Жданова или на передовицах «Правды»), даже после XX съезда составляли основу идеологического дискурса. Поэтому публикация уже в 60-е годы стихов реабилитированного Мандельштама или прозаических текстов Платонова сопровождалась большими сложностями.

Ко второй группе мы относим тексты или переводы, публикация которых смогла бы бросить тень на репутацию действующей партийной номенклатуры, будь то группа или даже один человек. Сюда подпадает, например, повесть Марка Поповского «Тысяча дней академика Вавилова», опубликованная в «Просторе» в 1966 г., в которой неприглядно был изображен академик Лысенко, сталинский любимец, не утративший свое влияние и при Хрущеве, и даже после его снятия. Или иной случай, тоже включаемый нами в эту группу, — роман Хемингуэя «По ком звонит колокол». Против его перевода на русский язык выступали руководители испанской компартии Долорес Ибаррури и Энрике Листер [Орлова: 53]. Сюда же относится и несостоявшаяся публикация первой части «Ракового корпуса» Солженицына, судьба которой решалась на уровне Политбюро.

Третья группа, пожалуй, самая немногочисленная и наиболее неопределенная. Несмотря на то, что не было, кажется, официальных запретов на какие-либо литературные формы, жанры или стили в целом, существовало все же смутное представление о том, что на страницах советских журналов появиться не может. Часто подобные решения принимали редакторы на местах, уровень самоцензуры был везде разный, но тем не менее, например, верлибры, как кажется, опубликовать было сложно везде. Это доказывает пример ленинградского поэта Геннадия Алексеева, который будет рассмотрен нами в следующей главе.

Мы понимаем условность такого разделения. Вероятно, какие-то тексты могут быть включены сразу в несколько ее групп или вовсе стоять отдельно. Но при всей схематичности эта классификация может помочь упорядочить и сопоставить на первый взгляд разнородные или, напротив, мнимо сходные феномены.

## 2. Резонансные публикации в шуховском «Просторе» (1963–1974 гг.)

### Повесть «Джан» Платонова

Писатель Андрей Платонов умер в 1951 г. К этому времени, несмотря на периодическое появление в печати его отдельных рассказов, он уже более 20 лет находился в опале [Малыгина: 6–7]. «При жизни писателя свет увидела только маленькая часть из написанного им, затем, начиная с 1958 года, после первого посмертного сборника избранных рассказов, на страницах разных журналов, а иногда и отдельными изданиями постепенно стали появляться „запрещенные“ при жизни писателя произведения, а также просто забытые вещи, преимущественно неперезданная публицистика и первые прозаические опыты начального, воронежского периода» [Костов: 15]. В качестве одной из наиболее важных публикаций «возвращаемого» Платонова Хели Костов называет повесть «Джан», вышедшую в 1964 г. в №9 журнала «Простор»: «...эта публикация, несмотря на периферийность журнала и цензурные сокращения, явилась своеобразной литературной сенсацией и вызвала большой исследовательский и читательский интерес. Примечательно, что именно *Джан* послужил началом репутации Платонова как „философского писателя“ мифопоэтической ориентации, задолго до выхода в свет *Чевенгура* и *Котлована*»<sup>8</sup> [Там же]. Для дальнейшего изучения истории этой публикации исследователь предлагает обратиться к мемуарам Н. Кузьмина, сотрудника «Простора» на момент печатания повести, однако, как мы постараемся показать далее, свидетельства Кузьмина, во-первых, без всякого сомнения ложны, а во-вторых, намеренно сфальсифицированы, чтобы выставить их автора в наиболее выгодном свете.

Журналист и писатель Николай Павлович Кузьмин проработал в «Просторе» всего около полутора лет (точную датировку нам выявить не удалось, но это примерно 1963–1964 гг.). Свои воспоминания в том числе и об этом периоде он опубликовал в журнале «Молодая гвардия» в 1989 г. под названием «От войны до войны. Ночные беседы» [Кузьмин]. В них автор утверждает, что именно он обнаружил рукопись повести «Джан», при том не зная, кто такой Платонов, и долго уговаривал Шухова напечатать ее.

Совершенно улетучилось из памяти, каким образом попала мне в руки небольшая рукопись под странным названием «Джан». Экземпляр явно не первый, странички пожелтевшие, кое-где поправки от руки. Я принялся читать и обомлел: великолепнейшая

---

<sup>8</sup> В «Просторе» затем публиковались и другие тексты Платонова, но наиболее заметной и важной в свете «возвращения» писателя стала публикация повести «Джан».

проза! Но что за автор, кто, откуда? Сунулся в начало: какой-то Андрей Платонов. Никогда не слышал...

<...> С рукописью в руке я ворвался к нему в кабинет. Однако Иван Петрович быстро остудил меня. Андрея Платонова он знал, знаком был лично. Что и говорить, писатель божьей милостью, однако печатать его не следует. Причины? Ну, мало ли причин... И он с пятого на десятое поведал мне о каком-то давнем грехе Андрея Платонова, отчего на него разгневался сам Сталин.

Напрасно я кипятился, доказывая, что именно потому нам и следует напечатать «Джан». Шухов оставался непреклонен [Кузьмин: 97–98].

Далее Кузьмин описывает, на какие уловки ему пришлось пойти, чтобы убедить Шухова опубликовать повесть. Он будто бы подговорил всех членов редакции, и они вместе взяли Шухова осадой, не оставив главному редактору другого выбора, кроме как напечатать «Джан». Кузьмин также подчеркивает, что именно эта публикация сделала никому не известный провинциальный журнал популярным и одновременно вернула Платонова читателям:

Едва номер с «Джаном» вышел, к нам посыпались письма из-за границы. Первой, помнится, пришла просьба из Югославии: вышлите, ради бога, хоть один номер журнала. Шухов сразу повеселел и даже загордился. В кои-то века зарубежье обратило внимание на скромный провинциальный журнальчик!

С того давнего номера «Простора» и началось нынешнее триумфальное шествие замечательного советского писателя Андрея Платонова [Кузьмин: 99–100].

Иную версию предлагает многолетняя сотрудница «Простора» Галина Васильевна Черноголовина, сначала работник отдела прозы (с 1963 г.), а вскоре после — заместитель главного редактора Шухова.

— Прочтите, пожалуйста, вот эту рукопись, — обратился однажды ко мне Иван Петрович. По его характерному покашливанию, чуть дрогнувшему голосу почувствовала, что эта вещь чем-то особенно дорога ему. <...>

Андрей Платонов — «Джан»... <...>

Кто бы мог подумать тогда, что спустя более чем четверть века на Ивана Петровича в связи с публикацией этой вещи будет возведена чудовищная напраслина. Тот, кого называла я своим «шефом», а если без экивоков, то Н.П. Кузьмин, живя в Москве, вдруг вздумал писать мемуары. Конечно, к старости отдельные детали могут выпасть из памяти или видоизмениться, но чтобы так безапелляционно... <...>

...Как можно работать в «Просторе» и не знать, что Иван Петрович постоянно переписывался со вдовой Платонова Марией Александровной! В одном из писем, от 25 июня 1964 года, она сердечно благодарит Ивана Петровича за публикацию «Джана»: «Я-то знаю,

какие сопротивления были на Вашем пути, и надежды у меня было очень мало, этот милый „Джан“ стоил крови всем...»

Но Кузьмин в порыве самоутвердиться сочинит свою версию, будто бы сам Шухов восстал против публикации «Джана» <...>

Что же все-таки было? Всего скорей, Иван Петрович мог незлобно «подначивать» Кузьмина, ранее и слыхом о Платонове не слыхавшем, а он все принял за чистую монету. Что же касается членов редколлегии, то после прочтения кузьминского «эссе» я беседовала с Т. Ахтановым, Л. Кривошековым, Е. Лизуновой, Р. Петровым, Н. Ровенским — все они, тогдашние члены редколлегии, в один голос заявили, что никто из них Шухову насчет «Джана» не пел и не льстил, наоборот, сам Иван Петрович горячо просил у них поддержки в публикации этой вещи» [Черноголовина: 146–150].

В архиве Шухова, который хранится у его сына, есть 6 писем к нему от вдовы Платонова — Марии Александровны. Самое раннее датируется 25 июня 1964 г.:

Уважаемый Иван Петрович!

Прошу сообщить о судьбе трех рассказов: «Джан», «Житейское дело» и «Приключение». Пишу Вам второй раз. Дорофеев рассказал, что Вы и секр. редакции были в Москве; вероятно, Дорофеев не будет писать вступление по некоторым причинам, так что же будет с «Джаном»? Почему не позвонили?

Привет!

Надеюсь, что на это письмо я дождусь ответа.

М. Платонова<sup>9</sup>.

По всей видимости, в первом письме, которое подразумевается из этого текста, как раз и шла речь о возможности напечатания рассказов. Каким образом рукописи попали в журнал, пока восстановить сложно. Вероятно, вдова отправила их по почте или Шухов лично отправился в Москву и забрал их, как это было позднее с рукописью «Чевенгура»:

12/IV-66 г.

Дорогой Иван Петрович!

Что же это такое, от Вас нет никаких известий? Или Вы не получаете моих писем? Я же беспокоюсь за судьбу «Чевенгура», *что Вы увезли уже давно* <sic!>. Обещали быть в Москве в январе, потом в феврале, а до сих пор от Вас ни слуху, ни духу. Почему так все тянется? Пришлите, пожалуйста, обратно все, по-видимому печатать в «Просторе» не будут ни «Чевенгур», ни другие произведения Платонова. А может быть Вы были в Москве? Ответьте мне, пожалуйста, только определенно. Помню, Вы говорили о договоре, но все стоит и ничто не движется. Когда Вы будете в Москве?

---

<sup>9</sup> Здесь и далее письма, текст которых приведен без источника, были предоставлены хранителем архива Шухова — его сыном Ильей Ивановичем Шуховым.



Жду Ваших писем.

Привет от Машеньки и мой большой Вам привет!

М. Платонова.

Во всех письмах вдова писателя очень ревностно печется о судьбе каждой рукописи, часто в ее словах сквозит обида, но при этом нет сомнений, что с Шуховым у них были прекрасные отношения и все переговоры по поводу публикаций в «Просторе» проходили именно через него.

Выход повести «Джан» в журнале действительно вызвал к нему большой интерес, в том числе и международный. В шуховском архиве сохранилось письмо от 22 октября 1965 г. из издательства «Giulio Einaudi editore»:

Турин, 22 октября 1965 г.

Уважаемые товарищи!

Мы просим выслать нам один экземпляр номера Вашего журнала, где была опубликована повесть Андрея Платонова «Джа» <sic!> для ее переиздания.

С уважением

Джулио Эйнауди эдиторэ.

Примерно в это же время было получено письмо из Варшавы:

Уважаемый Иван Петрович!

От всей души благодарим Вас за присланные номера «Простора» — это очень интересный журнал, приятно его держать в руках и читать. Прозу Цветаевой<sup>10</sup> хотелось бы перевести для одного из наших журналов. А «Джан» уже готовится у нас в хорошем переводе Ирины Пиотровской, одной из лучших наших переводчиц. Как мы Вам благодарны за то, что это произведение появилось на страницах «Простора»! Ждем теперь с нетерпением новых произведений А. Платонова, а то ведь не может быть, чтобы Ваш журнал не вернулся еще к этому замечательнейшему писателю. Очень жаль, что у нас нет целого комплекта «Простора» за этот год — ведь журнал этот стоит того, чтобы о нем написать. Но мы надеемся на новые номера, на хороший материал, о котором можно будет написать в наших литературных журналах.

Еще раз большое спасибо, с глубоким уважением

Виктория и Ренэ Сливовские.

---

<sup>10</sup> Имеется в виду прозаический текст Цветаевой «Отец и его музей», опубликованный в 1965 г. в №10 «Простора», с. 36–42.

В 1969 г. Рене Сливовский совместно с Ириной Пиотровской и Поллаком Севериным подготовили польское издание рассказов Платонова, куда вошел и «Джан»<sup>11</sup>. А в 1983 г. супруги Сливовские опубликовали совместную монографию «Andrzej Płatonow»<sup>12</sup>.

После публикации «Джана» в «Просторе» в журнале появилось еще четыре рассказа Платонова в 1965–1967 гг.: «Житейское дело» (1965 г., №5), «Седьмой человек» (1966 г., №5), «Простодушие» и «Маркун» (1967 г., №5). Планы о публикации «Чевенгура» и других произведений Платонова не осуществились, по-видимому, из-за усиливающегося давления на журнал в конце 60-х и начале 70-х годов. Но несмотря на это, Шухов на протяжении всего периода своего редакторства, по-видимому, не оставлял этих попыток. См., например, письмо М.А. Платоновой от 14 февраля 1972 г.:

Многоуважаемый Иван Петрович!

Шлем Вам привет, я и дочь, из Москвы, холодной и сырой, в ваш солнечный город, где, наверное, уже весна и много цветов!

До меня дошли слухи о том, что «Простор» собирается печатать Андрея Платоновича. Это радует нас. Пора уже! Сколько же лет еще лежать тому, что не печаталось. А правда это, Иван Петрович? Ждем напечатанное, пожалуйста!

Привет вашей редакции.

Мария и Маша Платоновы.

P.S. Разве Вы не бываете в Москве?

Последнее имеющееся в архиве письмо датируется 30 мая 1976 г., когда Шухов несколько лет уже не был главным редактором, но при этом Платонова продолжает обращаться к нему как к главному лицу «Простора»:

Уважаемый и дорогой Иван Петрович!

Еще в августе прошлого (1975 г.) мне писал Ростислав Викторович<sup>13</sup>, что Вы приедете в Москву летом. Тогда я просила его выслать или привезти мне «Ювенильное море» и «Чевенгур». Но прошло много, много месяцев, и никто ничего мне не прислал. А ведь пришло время мне взять все, что накопилось в вашей редакции, ибо нет надежды, что будет что-то напечатано. Потом со мной случилось (в июле) происшествие и пролежала в гипсе четыре м-ца в больнице. Может быть Вы были в Москве, но не заставляли никого, хотя Машенька и ее муж всегда возвращались из редакции, или от меня, из больницы, к 7 ч. Домой. Теперь я уже начинаю ходить, без костылей. Делаю двухтомник Платонова, что разрешили на 25-м Партсъезде.

<sup>11</sup> Dżan i inne opowiadania. Tłumacz I. Piotrowska, P. Seweryn, R. Śliwowski. Warszawa, 1969.

<sup>12</sup> Śliwowska W., Śliwowski R. Andrzej Płatonow. Warszawa, 1983.

<sup>13</sup> Ростислав Викторович Петров — многолетний сотрудник Шухова и ответственный секретарь «Простора».

Видели Вы книгу «Течение времени», «Потомки солнца» и публикацию писем Андрея Платоновича ко мне в журнале «Волга», №9, 1975 г.? Хоть бы написали, плохо я делаю книги его, или...

Все больше повторы, хотя в «Потомках солнца» удалось напечатать 8 новых вещей.

Почему, Иван Петрович, такое равнодушие к Платонову в вашем журнале? Ведь есть пьесы. Такая, как «Высокое напряжение», которую хвалил Горький, о чем сохранились его письма. Вот бы напечатали! Будете в Москве, приходите, будем рады увидеть Вас.

Благодарные Вам

М. и М. Платоновы.

Здесь Платонова, понимая, что напечатать в «Просторе» уже ничего не получится, просит выслать назад рукописи, но все-таки в качестве последней надежды пытается использовать имя и одобрение Горького, литературного наставника Шухова. Однако в 1976 г. он уже ничего не мог поделаться, а сам журнал имел мало общего с «Простором» 60-х годов.

### **Стихи Мандельштама**

В 1965 году в №4 журнала «Простор» была опубликована подборка из 16 поздних стихотворений Мандельштама (московские и воронежские стихи 30-х годов, ранее не издававшиеся) с предисловием Эренбурга. Эта публикация подробно описана П. Нерлером в статье «„Вот у меня журнал ‘Простор’“ Эпизод из истории посмертной публикации стихов Мандельштама на родине» [Нерлер]. Повторим здесь только, что к тому моменту это была одна из первых послевоенных крупных публикаций поэта, прежде лишь в 1961 г. в «Новом мире» в мемуарах того же Эренбурга были приведены два текста «Пусти меня, отдай меня, Воронеж» и «Почему ты все дуешь в трубу, молодой человек...» В 1962 г. четыре стихотворения появились в сборнике «День поэзии», в 1964 г. благодаря стараниям редактора Евгении Ласкиной в журнале «Москва» были напечатаны еще 8 стихотворений [Нерлер: 523]. Таким образом, подборка в казахстанском журнале была в числе наиболее ранних. Примечательно также, что на вечере памяти Мандельштама на мехмате МГУ 13 мая 1965 года через месяц после публикации в «Просторе» Эренбург с трибуны читал стихи по алма-атинскому журналу [Нерлер: 528].

Последующие годы отмечены всплеском публикаций не только стихов Мандельштама, но и прозы, причем чаще всего это происходило в региональных журналах. Если в 1965 г. была только одна журнальная публикация стихов Мандельштама в «Просторе», то уже в 1966 г. подборки выходят в «Литературной Армении» (цикл

«Армения» — 12 стихотворений), в воронежском «Подъеме» (10 стихотворений), снова в «Просторе» (4 стихотворения), в «Пионере» (6 стихотворений). В 1967 г. в той же «Литературной Армении» выходит «Путешествие в Армению», в «Искусстве» — «Разговор о Данте», статья «Детская литература» в журнале «Детская литература», а также стихи в специальном выпуске ташкентской «Звезды Востока», посвященном жертвам землетрясения 1966 г., а в «Литературной Грузии» большая подборка более чем из 30 стихотворений и переводов. Примерно с 1969 года вплоть до конца 70-х количество публикаций сокращается, но сохраняется их постоянство, а уже в 80-е годы намечается новый подъем [МЭ: 169–171]. Все это делает ранние публикации 60-х годов особенно значимыми, поскольку именно они открывали для широкого читателя неизвестные или циркулировавшие в самиздате (и тамиздате) стихи Мандельштама.

Именно с этим сюжетом связано большое количество упоминаний «Простора» в эго-документах того периода. В первую очередь это письма Надежды Яковлевны Мандельштам, подготовившей для «Простора» подборку. О планах публикации читаем в письме 22 декабря 1964 г. из Москвы в Псков Е.А. Маймину: «Постарайтесь достать алма-атинский „Простор“ (№9); там напечатана повесть „Джан“ Платонова. Прочтите! Они хотят печатать подборку О.М.» [Мандельштам, 2015: 326]. Через 4 месяца, в апреле 1965 г. подборка была напечатана, и уже 13 мая семье Майминых Н.Я. пишет: «В журнале „Простор“ (Алма-Ата) огромная подборка стихов» [Мандельштам, 2015: 327]. 15 мая 1965 г. она пишет письмо главному редактору «Простора» И. Шухову с просьбой прислать 30 экземпляров в Москву:

Уважаемый Иван Петрович! Благодарю Вас за номер „Простора“. Очень рада видеть такую отличную подборку. Посылаю два документа о моем наследственном праве на сочинения Осипа Эмильевича. У меня есть еще одна к Вам просьба: распорядитесь, чтобы мне за счет гонорара выслали три десятка номеров „Простора“ с публикацией. В Москве они будут редкостью, и все будут просить их. Будете ли Вы отмечать юбилей Данте? У О.М. есть большая статья („очерк“, как говорил Андрей Белый) — „Разговор с Данте“. Я думаю, из нее можно было бы подобрать две-три главы для журнала. Еще раз благодарю Вас. Надежда Мандельштам [Шухов, 2004: 180, 181, 219]<sup>14</sup>.

В письме к Н. Штемпель, нижняя граница которого датируется серединой мая 1965 г., находим: «<...> В журнале „Простор“ (Алма-Ата) напечатана большая подборка

---

<sup>14</sup> Текст письма Н.Я. Мандельштам Шухову приводится в двух статьях: «Колокол на мизинце бога» Л. Кашиной и «У истории на ветру» Л. Варшавской. Первое письмо более полное, а второе содержит точную датировку. По-видимому, Кашина воспроизводит оригинальный текст, а Варшавская по памяти либо редактирует и сокращает его, выделяя важный для нее фрагмент, но не оговаривая это специально.

Осиных стихов (Волк, Белому, 300 строк). У меня журнала нет. Я пишу в редакцию» [Мандельштам, 2008: 334]. Таким образом, письмо Шухову позволяет уточнить вероятную датировку письма к Штемпель — не позже 15 мая. В следующем письме конца мая — начала июня 1965 г. к ней же Н.Я., не получив еще высланных из редакции «Простора» журналов, сетует: «Алма-Ата напечатала 16 стихотворений (журнал „Простор“), но мне даже не ответила на письмо (о гонораре и 30 экземплярах журнала)»<sup>15</sup> [Мандельштам, 2008: 335]. К августу письма из редакции «Простора», судя по всему, наконец доходят до Н.Я.: А. Гладков, побывавший в гостях у нее, записывает в своем дневнике 31 августа: «Вчера были в городе. Обед с Н.Я. в „Софии“, потом у нее. Художник Вайсберг (кажется так). Н.Я. дарит мне книгу. Она еще в Верее, в конце ноября собирается переезжать в новую „свою“ квартиру. Показывала журнал из США с глупой и мелкой статьей об О.Э. „Простор“ ей заплатит и хочет печатать еще...» [Гладков]

В большом письме к Н. Струве осенью 1965 г. Н.Я. пишет: «Видели ли вы публикацию стихов Осипа Эм. В журнале „Простор“, который издается в Алма-Ате. К сожалению, там тоже куча опечаток. Такая уж судьба...» [Мандельштам, 2006: 321]. Первая реакция на мандельштамовскую подборку появляется в сентябре в «Литературной газете» под рубрикой «Редакционный дневник». В статье под названием «Без ясной цели» критикуются подборки стихов Северянина в «Литературной России», Мандельштама в «Просторе», а также статья о Пастернаке в «Юности». О просторовской говорится следующее:

В казахстанском журнале «Простор» (№4) под рубрикой «Из неопубликованного или забытого» напечатана подборка стихотворений Осипа Мандельштама. Творчество О. Мандельштама мало известно сегодняшнему широкому читателю. Естественно было бы ожидать, что редакция журнала постарается возможно более разносторонне представить сложный творческий облик поэта.

К сожалению, этого не произошло. В подборке напечатаны в основном трагические стихи О. Мандельштама (притом весьма неравноценные), и это создает у читателя одностороннее представление о поэте. Не исправляет, а усугубляет такое представление предисловие к подборке, написанное И. Эренбургом. Биографические факты, которые читатель узнает из предисловия в основном относятся к трагическим годам жизни поэта. Что же касается поэзии О. Мандельштама, ее социальной направленности, свойственных ей противоречий, то об этом ничего определенного не сказано. В предисловии содержится весьма субъективная, произвольная трактовка нашей поэзии двадцатых и тридцатых годов, одностороннен перечень поэтов, воздействовавших на поэзию тех лет.

---

<sup>15</sup> История переписки Н.Я. Мандельштам с редакцией «Простора» по поводу высланных из Алма-Аты экземпляров также описана Нерлером [Нерлер: 527–528].

В редакции «Простора» не задумались над тем, каким предстанет поэт перед читателями журнала. В угоду «сенсационности» редакция пожертвовала полнотой истины<sup>16</sup>.

И тот же Гладков мгновенно откликается на это событие: «А в „Лит. Газете“ осторожно бранят „Простор“ за подборку Мандельштама и „Юность“ за Пастернака, но тоже так обходительно и туманно, что диву даешься.

Устанавливается уже такой стиль: каждое резкое слово обернуто, словно стекло, в стружки, в обволакивающие оговорки» [Гладков].

Сюжет, примыкающий к публикации стихов в «Просторе», связан с вечером памяти Мандельштама на мехмате МГУ в мае 1965 г. Присутствовавшие на этом вечере А. Гладков и В. Шаламов, первый в дневнике, второй в воспоминаниях, отметили, что Эренбург читал стихи по журналу «Простор» (подробнее см. [Нерлер: 528–539]). Шаламов даже приводит речь Эренбурга, который, помимо прочего, сказал: «Мандельштам только сейчас возвращается к читателю. Правда, в журнале „Москва“ была напечатана подборка стихов и статья Н.К. Чуковского. Вчера я получил журнал „Простор“, где опубликован цикл замечательных стихов. Алма-Ата опередила Москву. В жизни много странностей. Начинает Алма-Ата, а не Москва, начинают студенты, а не поэты. Это и странно и не странно» [Шаламов: 304]. Непонятным остается, почему Эренбург отодвигает на второй план более раннюю публикацию стихов Мандельштама в «Москве» и переворачивает картину. Возможно, дело в том, что в это время у него есть свои планы на дальнейшее сотрудничество с «Простором» и таким жестом он пытался привлечь к журналу дополнительное внимание. Нерлер в упомянутой статье пишет о расчете Эренбурга «опубликовать некоторые главы из книги „Люди. Годы. Жизнь“ — из числа тех, от которых отрекся „Новый мир“» [Нерлер: 525–526]. Уже через два месяца после вечера Мандельштама в МГУ 27 июля 1965 года Эренбург получает письмо от Ю. Домбровского, близкого журналу «Простор», в котором идет речь о публикации романа Хемингуэя «По ком звонит колокол»:

Многоуважаемый Илья Григорьевич! У редакции «Простора» возникла мысль: в ближайших номерах журнала опубликовать «По ком звонит колокол».

Редакция исходит из того бесспорного факта, что никаких запретов — ни цензурных, ни политических на это — может быть, лучшее произведение Хемингуэя — не наложено, и о нем упоминается во всех статьях и работах, посвященных покойному. Следовательно, речь может идти (и идет!) только о чьей-то личной неблагожелательности.

---

<sup>16</sup> Без ясной цели // Литературная газета, 1965 г., 9 сентября.

В Москве и Ленинграде дело, конечно, осложнено присутствием, звонками и хлопотами известной Вам особы <председатель компартии Испании Долорес Ибаррури>. Здесь этой трудности — нет.

Редакции представляется далее, что публикация романа именно в «Просторе» может быть принята Москвой — даже с известным удовлетворением. [Фрезинский: 590].

Далее Домбровский просит написать вступление к публикации. Эренбург на это письмо ответил уже через 4 дня, 31 июля: «Буду рад, если „По ком звонит колокол“ Э. Хэмингуэя удастся напечатать в „Просторе“. Вступление напишу» [Шухов, 2004: 181]. Из этой затеи ничего не вышло, однако сотрудничество все-таки продолжилось: в первом номере за 1966 г. «Простора» вышли стихи самого Эренбурга. А в некрологе, опубликованном в №9 за 1967 г., давалась высокая оценка воспоминаниям «Люди, годы, жизнь», вокруг которых в советской печати велась яростная полемика.

Итак, подведем некоторые предварительные итоги. Публикация стихов Мандельштама была отнесена нами к типу текстов, табуированных сталинским метадискурсом. Реабилитация поэта не привела к тому, что идеологические нападки в его отношении прекратились — Н.Я. Мандельштам даже в 60-е годы с трудом добивалась отдельных публикаций. В то время она искала любую возможность для того, чтобы напечатать тексты мужа, «Простор» не был для нее каким-то принципиальным выбором, в то время у журнала еще не было той репутации, которая заставляла авторов самим писать Шухову с просьбами посмотреть рукописи. В письме Маймину 1964 г. она отметила, что в журнале был напечатан «Джан» Платонова (текст той же группы нашей классификации). Вероятно, это был лишь небольшой аргумент в пользу того, что публикация может состояться, но вряд ли Н.Я. делала какие-то выводы относительно Шухова как редактора. Образ Шухова-«Шолохова» в то время все еще преобладал над образом Шухова-«Гвардовского». Публикация Мандельштама, по всей видимости, одной из первых привлекла широкое читательское внимание к журналу и к Шухову как редактору.

### **«1000 дней академика Вавилова»**

В конце 20-х и — более активно — в 30-е годы в Советском Союзе репрессиям стали подвергаться многие сотрудники Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина (ВАСХНИЛ), биологи, агрономы и генетики (подробнее [Сойфер, гл. 5]). В 1940 г., несмотря на свою мировую славу, был арестован сам создатель ВАСХНИЛ — академик Н.И. Вавилов. Через три года он умер в саратовской тюрьме НКВД, куда был

эвакуирован из Москвы в военное время. Аресту Вавилова во многом способствовали Т.Д. Лысенко (позже сам ставший руководителем ВАСХНИЛ) и его сторонники, которые при поддержке самого Сталина монополизировали право на научную истину в биологии и нередко в форме политического доноса набрасывались на своих оппонентов<sup>17</sup>. Вплоть до смерти Сталина в 1953 г. фигура Лысенко в биологии была непоколебимой. Как пишет Ж. Медведев о 1948–1952 годах: «Культ Т.Д. Лысенко был раздут в эти годы до баснословных размеров. Он оказался, по-видимому, единственным в истории ученым-биологом, „заслужившим“ титул „великий“ еще при жизни. Портреты Т.Д. Лысенко висели во всех научных учреждениях. В художественных салонах продавались бюсты и барельефы Т.Д. Лысенко <...> В некоторых городах были установлены памятники Т.Д. Лысенко...» [Медведев: 183–184] Несмотря на реабилитацию Н.И. Вавилова в 1955 г. и публикацию отдельных его работ, положение Лысенко в конце 50-х оставалось вполне устойчивым. Его уже можно было критиковать, но вместе с тем примерно во второй половине 50-х его под свое покровительство берет Хрущев и вскоре снова ставит главой ВАСХНИЛ. Сойфер замечает, что «после снятия Хрущева с поста 1-го секретаря ЦК партии критика Лысенко в печати была прекращена. Многими это воспринималось как следствие мистического умения Лысенко выходить сухим из воды при любых вождях. Однако определяющими в этом подавлении критики были не личностные качества Лысенко, а консолидированная воля коммунистов, остававшихся у руля высшей власти. Лысенко был продуктом их системы, потому публичное осуждение самих себя было для них святотатством [Сойфер: 893].

Так мы подошли к 1966 году, когда в №№7–8 журнала «Простор» появляется повесть М. Поповского «Тысяча дней академика Вавилова». Сам Поповский в интервью говорил о своих попытках написать биографию Вавилова в начале 60-х годов следующим образом:

...ни в 1961 г., ни в 1962 г. мои попытки заключить договор на эту книгу ни к чему не привели. Издательство „Молодая гвардия“, куда я подавал заявки, отвечало, что писать о Николае Вавиллове еще „не время“ <...> Было ясно, что, пока академик Т.Д. Лысенко верховодит в биологической науке, никакую правду сказать о Вавиллове не удастся. Но уже через два-три дня после того, как произошло смещение Н.С. Хрущева, я написал письмо заведующему отделом публицистики в «Новом мире» А.М. Марьямову с просьбой командировать меня в ленинградские архивы. Осенью 1964 г. я был первым, кто „ворвался“ в ЛГАОРСС (Ленинградский государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства), первым увидел документы о Вавиллове и смог писать о нем.

---

<sup>17</sup> Доказательству научной некомпетентности Лысенко посвящена, к примеру, книга А.А. Любищева «О монополии Т.Д. Лысенко в биологии» [Любищев].



В результате этой поездки возникла та часть книги, которая потом стала называться 1000 ДНЕЙ АКАДЕМИКА ВАВИЛОВА и была опубликована в «Просторе» [Поповский: 264–265].

Следует заметить, что даже после реабилитации обстоятельства смерти и сам факт ареста Вавилова замалчивались [подробнее см.: Федотова: 71–73]. В биографии из серии ЖЗЛ 1962 г., автором которой была Ревенкова, ничего не говорится о репрессиях, аресте и последних годах жизни Вавилова в тюрьме. О самой смерти вообще нет ни слова, только в разделе «Основные даты жизни и деятельности Н.И. Вавилова» двумя последними пунктами значатся:

«1942 — Избрание членом Лондонского королевского общества.

1943 — 26 января скончался 55 лет в расцвете сил» [Ревенкова: 265]. Более того, совсем удивительной эту биографию делает тот факт, что в ней ни разу не упоминаются ни имя Сталина, ни имя Лысенко. Это очередное доказательство того, что положение Лысенко при Хрущеве было весьма крепким.

На этом фоне публикация в 1966 г. в «Просторе» повести о 3 годах жизни Вавилова перед арестом, где было высвечено противостояние с Лысенко, выглядела смелой и даже, пожалуй, фрондерской. Ю. Герт описывает реакцию главреда Шухова на публикацию следующим образом: «„Тысяча дней академика Вавилова“... В этой вещи Марк Поповский изобразил сокрушительную мощь сталинщины, направленную на истребление людей науки. Когда мы напечатали „Тысячу дней“, Иван Петрович ходил гордый, смущенный, победительный: удалось, удалось!» [Герт: 238]

Уже в сентябре находим читательские отклики на повесть. А. Гладков 6 сентября 1966 г. записывает в дневнике: «Вика [Швейцвер] принесла №8 „Простора“, где ее статейка и окончание репортажа Поповского о Вавиллове. Надо обязательно его купить» [Гладков].

26 сентября Н. Эйдельман также в дневнике пишет: «М. Поповский в „Просторе“ — „1000 дней Н. Вавилова“. Вавилов сам выдвигал Лысенко: картина сильна, Вавилова не пускали за границу, обстановка дискуссий; Сталин, который сказал: „Браво, браво, товарищ Лысенко“» [Эйдельман]. Л. Варшавская в статье о Шухове-редакторе приводит такое письмо писателя Юрия Германа в редакцию, связанное с повестью Поповского:

Два номера Вашего „Простора“ пользуются в Ленинграде необыкновенным, истерическим успехом... Молодец Поповский! „Тысяча дней“ имеет такой сенсационный успех, что Ваш покорный слуга получил эти два номера всего лишь на одну ночь — с 11 вечера до 10 утра. <...> Добрая душа, от которой я получил эти книги, тоже литератор. И. Меттер сам достал их на сутки у какого-то биолога. Этот биолог, в свою очередь, выхватил два

вышеуказанных номера Вашего журнала у некоего совсем знаменитого ученого, которого он так боится, что моему Меттеру даже не решился назвать фамилию.

Знаменитый зазевался, а менее знаменитый спрятал два «Простора» под пиджак. Если вдруг в Вашей редакции завалилась какая-нибудь грязная верстка этих номеров или потертые, поношенные, уцененные экземпляры, не пришлете ли Вы их мне? Вдруг да судьба мне улыбнется? Ввиду вышеизложенного Вы должны понять, какие грандиозные манипуляции и спекуляции я смогу осуществить, если стану обладателем такого богатства! Как подымутся мои личные акции, представляете себе? На будущий-то год я, конечно, подпишусь на Ваш журнал, если это будет возможно после опубликования Поповского. Вы наши отцы и благодетели, мы Ваши дети. Юрий Герман [Шухов, 2004: 182].

В первой части письма мы видим полушутливый рассказ о том, как сложно достать два номера «Простора» с повестью Поповского, на какие авантюры для этого приходится пускаться. Здесь любопытно, что описываемая практика чтения журнала совпадает с распространенной практикой чтения самиздата, когда машинопись попадает к человеку на короткое время (часто на одну ночь, как и в этом случае — «с 11 вечера до 10 утра»). Сравним, например, с тем, как чтение самиздата описывает Людмила Алексеева: «У самиздатских копий, как правило, высокий коэффициент читаемости. Они переходят от знакомого к знакомому. Хорошую самиздатскую книгу большинству удастся получить на короткий срок, иной раз — на одну ночь, потому что ее ждет очередь желающих прочесть ее. В такую ночь не ложится спать все семейство, а то и друзья приглашаются принять участие в коллективном чтении. Люди сидят вместе, передавая друг другу прочитанные листки. Иногда устраиваются коллективные чтения — вслух с книги или при помощи проектора — с фото пленки» [Алексеева: 199].

Во второй части письма Герман гиперболизирует ценность выпусков журнала и доходит до того, что в просьбе выслать «какую-нибудь грязную верстку» воспроизводит фразу, которую традиционно крепостные крестьяне адресуют барину: «Вы наши отцы и благодетели, мы Ваши дети»<sup>18</sup>. И здесь, как кажется, подразумевается не столько ироническое обращение рядового читателя к главному редактору официального журнала, то есть более высокому в социальной иерархии человеку, сколько коллективное (включая Меттера) писательское обращение к старшему коллеге (несмотря на принадлежность всех

---

<sup>18</sup> Практически идентичную фразу приводит в своих воспоминаниях Е.Н. Водовозова, говоря о том, как изменились крестьяне после отмены крепостного права: «...после освобождения некоторые из них подходили к господской ручке, зато в их приветствии слышалось менее рабских слов и вышла из употребления фраза, которую я так часто слышала в детстве в их разговорах со своими помещиками: „Вы — наши отцы-благодетели, а мы — ваши дети“» [Водовозова: 564].

троих примерно к одному поколению), который делает вообще некое благое дело, публикуя подобного рода тексты<sup>19</sup>.

Текст Поповского, напечатанный в «Просторе», был последней частью предполагаемой биографии «Человек на глобусе», которая должна была выйти в издательстве «Советская Россия», но в последний момент была отвергнута. Сам Поповский утверждает, что «Лысенко послал ряд писем в ЦК, в лице своего сотрудника (профессора!) В.Д. Панникова, потребовал, чтобы издательство расторгло с автором договор» [Поповский: 273]. Об этой книге, по всей видимости, еще до ее запрещения, Поповский писал Шухову 1 сентября 1966 г. из Москвы на фоне большого успеха его повести: «Дорогой Иван Петрович! Я закончил книгу о Вавилове и сдал ее в издательство. Сейчас уже более для собственного интереса, нежели для издания, пишу последнюю главу, которую можно было бы назвать „Еще 1000 дней“. Это описание следствия по делу Вавилова, его заключения и смерти. В моем распоряжении потрясающие документы: следственное дело, письма Н.И. из тюрьмы, свидетельства его сокамерников...» [Шухов, 2004: 179] Эти документы Поповский зачитывал на публичных лекциях, с которыми он выступал тогда же, но надежд на то, чтобы увидеть их в печати, у него не было<sup>20</sup>. Опубликовать книгу уже под другим названием «Дело академика Вавилова» автору удалось только после эмиграции — в 1983 г. в нью-йоркском издательстве «Эрмитаж».

Отношения между Поповским и «просторовцами» после публикации оставались теплыми. При этом сам писатель никогда не забывал успех, с которым прошла его повесть, и, судя по всему, считал, что оказал журналу большую услугу. Показательные записи в его дневнике 1970-х годов, который не был опубликован<sup>21</sup>.

Запись 29 сентября 1971 года:

Звонил из Алма-Аты главный редактор «Простора» Михаил Петрович Шухов. «Мы теперь с Вами связаны навек. Мы столько перестрадали из-за Вас и с Вами, что считаем Вас своим. Пришлите нам какой-нибудь материал, напечатаем непременно».

---

<sup>19</sup> Впрочем, и эта составляющая сообщения (от одного писателя — другому) тоже не лишена доли иронии, поскольку подразумевает также обращение ленинградского писателя — к алма-атинскому, провинциальному.

<sup>20</sup> Эти публичные лекции Поповского были с этической точки зрения весьма противоречивыми. Мы находим справедливой оценку его действий, которую дает В. Сойфер: «В лекциях на тему о причинах и обстоятельствах трагической гибели Вавилова он заявлял, что с санкции прокурора СССР получил доступ к следственному делу Вавилова и разрешение на оглашение содержащихся в нем документов. Во время лекции в Институте растениеводства в Ленинграде он зачитал протоколы очных ставок, показания Вавилова, якобы вырванные у него под пыткой, акт о его смерти, „доносы“ на Вавилова, написанные умершими и ныне здравствующими учеными. Лектор, присвоив себе функции и следователя, и прокурора, и судьи, обличал многих людей и фактически призывал к расправе с ними» [Сойфер: 929].

<sup>21</sup> Отсканированный машинописный текст дневника находится на сайте писателя Эдвиги Арзуняна, который познакомился с Поповским в эмиграции в США. Далее — [Поповский, неопуб.].

Звонок вроде ни к чему не обязывающий. Но в моей литературной жизни я вижу так мало ласки, что аж разомлел от радости. Действительно, после публикации повести «1000 дней академика Вавилова», «Простор» (№7, №8, 1966 г.) мы перемучались немало вместе и порознь. Его трижды снимали с поста редактора, меня два года не печатали и поносили в официальных верхах. По существу, с этого и пошли все мои тяготы и провалы в редакционном мире. Но одновременно «1000 дней» дала и резонанс. Рецензия в «Тайме», в «Монд», пересказ в газетах и журналах Югославии, Чехословакии, Швейцарии, Австрии... [Поповский, неопуб.]

В 1973 г. Поповский прилетает в Алма-Ату и заходит в редакцию журнала. Запись об этом от 24 марта строится почти тем же образом, что и предыдущая:

Алма-Ата. Прилетел сюда на рассвете, после тяжелой ночи в воздухе. Встретили алма-атинские писатели, сотрудники журнала «Простор». У нас с ними старая дружба. Днем приехал главный редактор «Простора» Иван Петрович Шухов. После публикации моей повести «Тысяча дней академика Вавилова» («Простор» №7 и 8, 1966 г.) его принуждали подать в отставку. Теперь мы обнялись и расцеловались. Все-таки у него не так-то много было публикаций, которые вызвали бы отклик лондонской «Таймс» и парижской «Монд» [Поповский, неопуб.].

В записи от 3 февраля 1973 г. автор с ностальгией вспоминает лучшие годы журнала, когда на его страницах печатались Платонов, Мандельштам, Цветаева и в том числе и его повесть:

И.П. [Щеголихин] сообщает, что гл. редактора «Простора» И.П. Шухова травят, ему явно намекают на то, что «пора и на покой». Это значит, что в редакции будет другое руководство, будет и другой журнал, не тот смелый и широко смотрящий «Простор», который вбирал в себя и романы Платонова и стихи Мандельштама, Цветаевой, воспоминания о 20-х годах и меня, грешного («1000 дней академика Николая Вавилова»). Будет другой «Простор», провинциальный и совсем, совсем ручной, где русские станут воссоздавать положительные образы казахских мужчин и женщин, бесплотных и беспорочных как ангелы [Поповский, неопуб.].

Для Поповского публикация в «Просторе» была, вероятно, моментом наибольшего литературного успеха, поэтому он сентиментально относился к журналу и болезненно переживал притеснения Шухова на посту главного редактора и его последующую отставку. Об этом запись 8 октября 1975 г.:

Когда вижу в киоске обложку алма-атинского журнала «Простор», вздрагиваю радостно. С журналом этим связано главное, может быть, событие моей жизни — публикация

«1000 дней академика Вавилова». Тогдашний редактор журнала Иван Петрович Шухов не только обласкал меня, но и выстоял за меня нелегкий бой с республиканским начальством. Публиковали в былые времена в «Просторе» стихи Мандельштама и Цветаевой, воспоминания об Андрее Платонове, да и повести местных авторов были совсем не плохи. Дух чести и любви к литературе, дух Твардовского (Шухов и был маленьким Твардовским у себя в Алма-Ате) витал над редакцией. И встреча моя с редакцией в 1972-м тоже была сердечной, теплой встречей с единомышленниками. Но в конце концов Шухова сняли, и журнал, даже за рубежом насчитывавший около сотни подписчиков и многие сотни в Москве, враз стал глухим провинциальным, узко национальным журнальчиком, каковых много и каковые даже как вагонное чтиво не годятся... [Поповский, неопуб.]

Итак, подводя итог, можно еще сказать, что выход повести Марка Поповского «Тысяча дней академика Вавилова» в 1966 г., как справедливо считал и сам автор, действительно обернулся большим успехом. Выпуск алма-атинского журнала распространяется почти так же, как и популярные машинописи, циркулировавшие в самиздате. Это подтверждает и свидетельство эпидемиолога Петра Лернера из Ташкента, знакомого Поповского:

В 1966 году мой алма-атинский друг журналист Рафаэль Соколовский прислал мне два свежих номера литературно-художественного ежемесячного журнала Казахстана на русском языке «ПРОСТОР». В этих журналах впервые была опубликована документальная повесть известного писателя Марка Поповского о замученном НКВД и умершем в лагере ученом Николае Вавиллове. На прочтение мне было отведено двое суток. В эти годы журнал был широко известен за пределами Казахстана, и достать его было практически невозможно. В библиотеках на него записывались за несколько месяцев вперед<sup>22</sup>.

Вероятно, в промежутке между 1964 годом, когда Шухов вел переговоры с Н.Я. Мандельштам, и 1966 годом его редакторская репутация уже окрепла. А провинциальность журнала, отдаленность его от Москвы и, следовательно, строгого партийного надзора до определенной степени упрощала публикацию текстов второй типа (посягающие на авторитет влиятельной номенклатурной группы).

### **Неопубликованный Солженицын**

История отношений Солженицына с «Простором» очень коротка и связана с его намерением в 1966–1967 годах опубликовать в журнале 1-ю часть повести «Раковый

---

<sup>22</sup> Опубликовано на личной странице П. Лернера в интернете. Текст доступен по адресу: [http://world.lib.ru/l/lerner\\_p\\_m/popowski/markaleksandrowich.shtml](http://world.lib.ru/l/lerner_p_m/popowski/markaleksandrowich.shtml). Дата обращения: 12.05.2018.

корпус». Сам писатель мимоходом описал этот эпизод в воспоминаниях «Теленок бодался с дубом»:

За год я получил из пяти советских журналов отказ напечатать даже самую безобидную главу из 1-й части — «Право лечить» (ташкентский журнал не поместил ее даже в благотворительном безгонорарном номере<sup>23</sup>); затем от всей 1-й части отказались — «Простор» (трусливым оттягиванием) и «Звезда»... [Солженицын: 159]

Иная версия этой непубликации (и гораздо более развернутая) изложена в статье Ильи Шухова «Бодался „Иван Денисович“ с Иваном Петровичем» [Шухов И.И., 2011]. В частности, там приводятся три письма Солженицына, два — Шухову, одно — в отдел прозы редакции журнала. По этим письмам и другим источникам можно в общих чертах восстановить хронологию событий и сопоставить с ней разные точки зрения сторон.

Летом 1966 года попытки Солженицына опубликовать 1-ю часть «Ракового корпуса» в «Новом мире» (к тому моменту повесть уже циркулировала в самиздате) закончились неудачей и, более того, ссорой с Твардовским. В дневнике последнего запись от 15 августа 1966 года гласит: «За этот промежуток — письмо Солженицына — поступок, окончательно освободивший от недоговоренности того, что давно уже обозначалось» [Твардовский: 477]. Смысл этой записи и частичное содержание письма раскрываются там же в примечании:

В письме к А.Т. 3 августа А.И. Солженицын объявлял себя свободным от всяких обязательств перед «Новым миром». Сообщал, что посылает «Раковый корпус» «в другие редакции» (Архив А.Т.). В своих мемуарах он назовет это освобождением от «туповатой опеки» А.Т. Попытки напечатать повесть в других изданиях, в том числе и враждебных «Новому миру», оказались безуспешны [Твардовский: 643].

По всей видимости, уже в конце августа — начале сентября Солженицын, освободившись от новомирской «опеки», обратился в редакцию «Простора» с предложением своей повести (приблизительная датировка первого письма определяется из второго, речь о котором — далее).

Редакция журнала «Простор»

Главному редактору Шухову И.П.

---

<sup>23</sup> В 1966 году в Ташкенте произошло сильнейшее землетрясение, разрушившее значительную часть города. В этой связи редакция ташкентского журнала «Звезда Востока» решила выпустить благотворительный номер, рукописи для которого присылали именитые писатели со всей страны, наследники известных литераторов и др. После выхода в свет третьего номера журнала за 1967 год с произведениями Бабея, Булгакова, Манделштама, Платонова и др. главный редактор В.А. Костырь был моментально снят с должности.

Уважаемый Иван Петрович!

У меня возникла мысль предложить Вашей редакции посмотреть мою повесть «Раковый корпус» (I часть). Я понимаю, что она трудна для напечатания. Но здесь есть (особенно в гл. 20) теплые слова о Казахстане, о казахах — м.б. именно поэтому она легче подошла бы «Простору»?

Экземпляров повести у меня мало, и я хотел бы сохранить этот в приличном состоянии. Поэтому, если повесть Вам не подойдет — не возвращайте ее по почте, а с оказией (у Вас, кажется, время от времени ездят сотрудники в Москву, либо через сотрудницу ЦГАЛИ Миральду Георгиевну Козлову, которая по моей просьбе зайдет в Вашу редакцию в конце сентября) верните в Москву на пер. Чапаевский 8, кв. 54 Туркиным (это близ метро «Сокол»), т. Д-7-56-83.

А для письма мой адрес: г. Рязань, 12 проезд Яблочкова I, кв. II

Солженицын Александр Исаевич.

С искренним расположением,

P.S. Большой неожиданностью было для меня (уже после выхода Ив. Денисовича) совпадение фамилии моего героя с Вашей. Простите! Но была неотвратимая потребность дать фамилию именно Шухов — и никакую другую<sup>24</sup>! [Шухов И.И., 2011: 133]

В воспоминаниях Ильи Шухова эпизод получения его отцом рукописи «Ракового корпуса» описан следующим образом:

Хорошо помню: отец принес тогда из редакции рукопись романа, присланную Солженицыным из Рязани, где он в ту пору жил, прочел и по обыкновению поделился впечатлением с моей матерью, сказав, что вещь эта ему не понравилась. И вовсе не по идейным соображениям, а именно по причине невысоких литературных достоинств. Художественные критерии для отца были превыше всего [Шухов И.И., 2011: 133–134].

17 ноября 1966 года в Москве состоялось заседание бюро секции прозы ССП, посвященное обсуждению рукописи «Ракового корпуса», где повесть была рекомендована к печати, однако де факто это решение ничего не значило и Солженицын продолжал оставаться в опале. В своей речи писатель заявил: «Мне вернули мою рукопись в „Новом Мире“, я послал ее еще в два журнала: в „Звезду“ и в „Простор“. Ответа еще не получил» [Солженицын, материалы: 43]. Стенограмма обсуждения была послана в упомянутые журналы [Солженицын, материалы: 44].

Второе сохранившееся письмо в редакцию «Простора» датируется 16 февраля 1967 г.:

---

<sup>24</sup> К этому необычному постскриптому мы еще вернемся в конце подглавки.

Редакция журнала «Простор»

Отдел прозы

Уважаемый т. Щеголихин!

В течение трех месяцев (сентябрь–ноябрь) я тщетно ждал отклика от вашего журнала на мою рукопись. С тех пор я уехал из дому. И теперь читаю Ваше письмо с опозданием на два месяца. Однако, мне известно, что И.П. Шухов, будучи в Москве, не звонил по предложенному мною телефону и стало-быть, не пытался встретиться со мной.

Таким образом, мнение Вашей редакции о «Раковом корпусе» мне осталось неизвестным. Ваше письмо содержит тоже слишком общие слова. Убрать ДЛИННОТЫ я не могу по той причине, что я их там не вижу, иначе убрал бы еще до посылки рукописи в редакцию. «Довести до кондиции» также не могу, ибо не знаю уровня кондиции, принятой в Вашем журнале, а по мне «кондиция» удовлетворительна и такая.

Прошу Вас либо конкретно указать, что для Вас в рукописи неприемлемо, либо вернуть рукопись.

С уважением,

Солженицын

6 февраля 1967 [Шухов И.И., 2011: 134–135]

Можно предположить, что первый ответ «Простора» был послан в конце ноября — начале декабря 1966 года, поскольку Солженицын пишет о двухмесячном опоздании. А к 17 ноября, как следует из его речи на заседании ССП, ответа от журнала еще не было.

Третье письмо Солженицына лично Шухову было написано 15 марта 1967 года.

15.3.67. Рязань

Уважаемый Иван Петрович!

Жена рассказала мне о Вашем телефонном разговоре с ней и о Вашем желании задержать у себя I-ю часть «Ракового корпуса». Однако я считаю, что в этом сейчас нет практического смысла. Давайте договоримся с Вами иначе: Вы сейчас вернете мою рукопись по известному Вам московскому адресу (Москва, А-57, Чапаевский переулок 8, кв. 54 Туркиной Веронике Валентиновне) — лучше не по почте, а с оказией, так будет экземпляр целей. Хотелось бы, чтоб на Чапаевском она была не позже первой половины апреля. Мне срочно нужен сам экземпляр, у меня их слишком мало. — Если же в будущем году у Вас появится желание сделать попытку напечатания, то Вы напишите мне об этом, и я снова передам Вам рукопись.

С уважением,

Солженицын [Шухов И.И., 2011: 134]



К маю отрицательное решение о публикации, по-видимому, было уже вынесено, поскольку в своем открытом письме IV Всесоюзному Съезду ССП от 16 мая 1967 г. Солженицын писал: «Моя повесть „Раковый корпус“ (25 авт. листов), одобренная к печати (1-я часть) секцией прозы московской писательской организации, не может быть издана ни отдельными главами (отвергнута в пяти журналах), ни тем более целиком (отвергнута „Новым миром“, „Простором“ и „Звездой“) [Солженицын: 600].

В этом сюжете интересными представляются два вопроса: насколько в действительности Солженицын хотел опубликовать свою повесть в «Просторе» и каким образом можно трактовать постскрипtum из его первого письма. Попробуем ответить на них поочередно.

Итак, что заставляет думать, что Солженицын на самом деле не планировал публиковаться в «Просторе». Прежде всего у нас есть признание самого автора в «Теленке».

Кончая 1-ю часть «Корпуса», я видел, конечно, что в печать ее не возьмут. Главная установка моя была — Самиздат, потом присоветовали друзья давать ее на обсуждение — в московскую секцию прозы, на Мосфильм, и так утвердить и *легализовать* (курсив наш) бесконтрольное распространение ее. Однако для всего этого нужно было безукорное право распоряжаться собственной вещью, — а я ведь повинен был сперва нести ее в «Новый мир». После всего, что Твардовский у меня уже отверг, никак я не мог надеяться, что он ее напечатает. Но потеря месяца тут была неизбежна [Солженицын: 143].

Как кажется, в то время, когда реальные шансы на публикацию были ничтожными (что сам Солженицын хорошо понимал), главной причиной отправки рукописи в печатные издания для него было получение именно отказа. Похоже, что в его глазах это было своего рода охранной грамотой, оправдывающей распространение текстов в самиздате. «Простор», как и другие журналы, как раз был в числе таких изданий, отказы от которых он собирал, тем самым еще более *легализуя* самиздатовские копии.

Кроме того, требовательный (если не сказать — хамский) тон писем наталкивает на мысль о полном безразличии автора к судьбе публикации. Во-первых, нормальной практикой для редакций литературных журналов было невозвращение присылаемых рукописей. Солженицын же дает четкие указания, как именно и к какому сроку он хочет ее получить обратно. Во-вторых, в ответ на присланные из журнала замечания он демонстрирует свою снисходительность и дает понять, что присылая рукопись, скорее делает журналу одолжение («не знаю уровня кондиции, принятой в Вашем журнале»). Даже принимая во внимание, что и для «Нового мира» писатель крайне неохотно вносил

правки<sup>25</sup>, его ответ в любом случае выглядит весьма язвительным. И, в-третьих, необычайная торопливость Солженицына тоже, как нам кажется, указывает на то, что для него вся эта процедура была формальностью, как и в случае с демонстрацией рукописи Твардовскому — неизбежная потеря времени, за которой следует отказ.

Все это, как нам кажется, дает право предположить, что Солженицын, отправляя рукопись 1-й части «Ракового корпуса» Шухову, не имел никаких серьезных намерений увидеть повесть на страницах журнала.

Теперь вернемся к постскриптому из первого письма. Удивителен в нем тот факт, что совпадение имени и фамилии героя Ивана Денисовича Шухова и писателя Ивана Петровича Шухова для Солженицына стало «большой неожиданностью» к моменту написания первого письма. Это означает, что до той поры автор «Одного дня Ивана Денисовича» никогда не слышал о Шухове-писателе. Это вполне возможно, но крайне маловероятно. В 30-е годы, когда у Солженицына просыпается интерес к литературе и он пробует что-то сочинять, Шухов был в авангарде соцреализма. В 1931 и 1932 гг. вышли его крупные романы (с последующими многочисленными переизданиями), рецензии на которые публиковались в «Правде» и «Литературной газете». В 1934 г. он участвовал в Первом съезде советских писателей, а Горький тогда же в открытом письме Серафимовичу, опубликованном в той же «Литературной газете», сопоставил «Ненависть» Шухова с «Брусками» Панферова и «Поднятой целиной» Шолохова<sup>26</sup>. Солженицын же в начале 30-х годов был активным читателем газет<sup>27</sup> [Сараскина: 130].

Илья Шухов приходит к такому же выводу и даже идет дальше. Он полагает, что Солженицын, зная о многолетней дружбе Шолохова и Шухова и замечая некоторое сходство их творческих биографий (особенно начала пути), испытывал к ним одинаковую неприязнь. Поэтому попытался подмочить репутацию обоих, поставив под сомнение авторство «Тихого Дона» Шолохова и взяв имя Шухова для своего неоднозначного персонажа [Шухов И.И., 2011: 135–136]. Эта гипотеза едва ли поддается проверке, однако с большой долей вероятности можно все же сказать, что имя Шухова Солженицыну во время написания «Ивана Денисовича» было знакомо. И, вероятно, комментирование этого факта помогло бы обогатить анализ этимологии фамилии главного героя повести.

---

<sup>25</sup> См., к примеру, запись в дневнике Твардовского от 20 июня 1966 г. о том же «Раковом корпусе»: «...Вчера же Солженицын, сделавший кое-какую, как всегда скупую, правку, измученный и неукovskyрный» [Солженицын: 474].

<sup>26</sup> Литературная газета, 14 февраля, 1934. №17.

<sup>27</sup> «Лет с двенадцати, сделав уроки, он не бежал на улицу, а садился за газеты; знал по фамилиям советских послов в каждой стране и иностранных — в СССР. Романами Жюль Верна и Майн Рида (а также собственным литературным упражнениям) школьник все больше предпочитал стенографические отчеты в „Известиях“, и, расстелив газетные простыни прямо на полу (только так и можно было охватить глазом всю газету в тесном просторстве избушки на курьих ножках), он жадно поглощал текст» [Сараскина: 130].

## Геннадий Алексеев

В №6 за 1968 год<sup>28</sup> и №3 за 1969 год<sup>29</sup> журнала «Простор» вышли подборки стихов ленинградского поэта Геннадия Алексеева. Неординарность этих публикаций заключалась в том, что все стихи были написаны верлибром, статус которого в советской официальной поэзии был весьма неопределенным, а доля в печати незначительной.

В 60-е годы обсуждение свободного стиха только началось на страницах журнала «Вопросы литературы», сюда можно отнести статьи А. Квятковского «Русский свободный стих» («Вопросы литературы», 1963, №12) и А. Жовтиса «Границы свободного стиха» («Вопросы литературы», 1966, №5). Несмотря на спорадические появления отдельных верлибров в некоторых толстых журналах в годы сталинской диктатуры (часто в виде переводов зарубежных поэтов), фактически существовал негласный запрет на него. Верлибру не находилось места в рамках социалистического реализма. В эпиграфе к статье «Русский стих как зеркало постсоветской культуры» М.Л. Гаспаров приводит полшутливую реплику, сказанную в разговоре с поэтом Алексеем Парщиковым в отношении белого стиха, которую даже в большей мере можно применить по отношению к верлибру: «Подозрителен как симптом буржуазного разложения, поэтому преследовался; допускался в больших формах, как у Луговского, где можно статистически уследить, случайны или тенденциозны отклонения от оптимизма и т.д.» [Гаспаров, 2012: 514] В другой работе «Очерк истории русского стиха», говоря о периоде с 30-х годов, он пишет: «В критике утверждается мнение, что свободный стих несвойствен духу русского языка и противен традициям русской поэзии. Это получает даже идеологическое обоснование: именно в это время свободный стих становится господствующей стиховой формой в поэзии Западной Европы и Америки и для прямолинейных критиков превращается в символ упадочной буржуазной культуры, наглядное выражение распада личности <...> Переводя верлибры прогрессивных зарубежных поэтов (Арагона, П. Неруды), переводчики 1940-х гг. то и дело приносят в них ритм и даже рифму» [Гаспаров, 2000: 282].

Первый сборник верлибров на русском языке в советское время, как утверждает В. Куприянов, появился только в 1970 году — это была книга «Осенние прогулки» Арво Метса [Куприянов]. Через 2 года, в 1972 году, в №2 журнала «Вопросы литературы» состоялось большое обсуждение роли верлибра в советской поэзии, в котором приняли

---

<sup>28</sup> Стихи «Как ни странно», «Морда, которая просит кирпича», «Шут», «Шхуна», «Зимние женщины», «Брандмауэры», «Кнопка», «Афродита», «Фридрих Барбаросса»

<sup>29</sup> Стихи «Восторженный», «Не тот», «Пьеро Делла Франческа», «Чакона Баха».

участие А. Метс, С. Наровчатова, В. Бурич, Р. Рза, О. Вацетис, Б. Слуцкий, А. Тарковский, В. Куприянов, Д. Самойлов — каждый из них выступил со статьей. Несмотря на появление дискуссии и отсутствие официальных директив по этому поводу, сохранялась инерция на запрет верлибра в печати, сильна была редакторская самоцензура на местах. Так, первая книга стихов Алексеева вышла лишь в 1976 году, пролежав около 7 лет в издательстве. Опубликовать ее удалось лишь благодаря вмешательству ленинградского поэта и писателя М.А. Дудина, который хлопотал и за последующие книги Алексеева, а к некоторым писал предисловия.

В конце 50-х и в течение 60-х годов, судя по записям в дневнике Алексеева, в большинстве случаев редакции журналов отказывали ему в печати:

1959 г. 6 марта: «Редколлегия „Звезды“ отвергла мои стихи. Нужны „новые темы“»;

1959 г. 5 июня: «Вчера на работе ухитрился написать восемь шестистиший. Приехал домой и обнаружил на своем столе пакет из „Невы“. В пакете мои рукописи и записка от Кустова: „Неживая поэзия... надуманные эксперименты... несовременно“»;

1964 г. 11 апреля: «...Мои шестистишия выкинули из „Молодого ленинградца“ за „мелкотемье“»;

1964 г. 31 августа: «Приехал домой. На столе письмо из „Нового Мира“: „А.Т. Твардовский прочел Вашу поэму и высказался против ее опубликования“».

1966 г. 24 января: «Вернули „Жар-птицу“ из „Юности“: „Ваша поэма редакцию не заинтересовала“. Подписано — Н. Злотников» [Алексеев].

Кое-что тем не менее удавалось напечатать: отдельные стихотворения и переводы (поэтов Ц. Шогенца, Закани).

В апреле 1968 года Алексеев в очередной раз отослал в разные журналы стихи и поэму «Жар-птица», которая была опубликована в 1965 году в газете «Смена», но которую не удавалось напечатать в журналах. После отказов «Звезды» и «Невы» положительный ответ из «Простора» стал для поэта неожиданностью: «Случилось долгожданное чудо! В „Просторе“ напечатана подборка моих стихов! Опубликовано 9 стихотворений. Полностью. Без купюр и редакторской правки. Удивительно! Невероятно!» — запись 2 июля 1968 г. [Алексеев] После этого, видимо, Алексеев послал в «Простор» еще несколько стихотворений, четыре из которых были напечатаны в марте 1969 г.: «„Простор“ напечатал еще четыре моих стихотворения. Среди них „Пьеро делла Франческа“ и „Не тот“. Кажется, я становлюсь видным казахским поэтом» — запись 14 апреля 1969 г. [Алексеев] Тем не менее поэму «Стенька Разин» в «Просторе» опубликовать не удалось. 5 августа 1969 год Алексеев записывает в дневнике:

«Простор» вернул мне «Стеньку Разина».

«Такую “веселую” вещь напечатать в “Просторе” сейчас просто невозможно». Письмо подписал В. Антонов. Инна Потахина, оказывается, только замещала его в отделе поэзии. Но отчего же так долго замещала? [Алексеев]

Решение не печатать поэму «Стенька Разин» в «Просторе» едва ли связано с разногласиями между заведующим отделом поэзии Антоновым и Потахиной, которая в разные периоды работала в редакции, но скорее обусловлено особенностями самого текста. В издании 2015 г. «Неизвестный Алексеев. Том 2. Неизданные стихотворения и поэмы» обнаруживаются три варианта поэмы «Стенька Разин»: «Вариант первый. Самый длинный», «Вариант второй. Покороче», «Вариант третий. Самый короткий». Все три были опубликованы впервые. Неясно, какой именно вариант послал Алексеев в «Простор», но, как кажется, все три из них имели очень небольшие шансы быть напечатанными где бы то ни было. Приведем для примера отрывок «самого короткого» варианта:

не злой был человек  
а так — дурашливый  
вот когда я был Уотом Тайлером  
говорил бывало  
брось болтать-то! —  
говорили ему —  
вот балабол!  
в Персии  
велел закатать себя в ковер  
и долго так лежал  
пока не расчихался —  
пыльный был ковер-то  
в Самаре  
велел налить полный чан крови  
разделся  
влез  
и стал руками по крови хлопать  
брызгаться  
хороша кровушка! —  
приговаривал —  
эх хороша кровушка боярская  
теплая еще

парная! <...>

Подобное изображение Стеньки Разина, народного героя, «фигуры государственного пантеона»<sup>30</sup>, едва ли подходило для печати.

Михаил Дудин, который поспособствовал выходу книг Алексеева в печать, является еще одним звеном, связывающим поэта и журнал «Простор». После того как в 1963 году Иван Шухов вступил в должность главного редактора, он, как свидетельствует его сын Илья Шухов, «обратился к видным писателям страны с предложением о сотрудничестве. Среди адресатов был известный ленинградский поэт Михаил Дудин. В ответ он прислал теплое, доверительное письмо.

Дорогой Иван Петрович!

Вы просто своей телеграммой вынудили меня признаться в моей давней любви к Вам, — любви стеснительной и завистливой. Можете мне поверить, — это чистейшая правда.

Можете мне поверить, что мне эту давнишнюю любовь хочется оправдать действительно чем-то очень хорошим.

То, что я написал, — мне самому кажется сейчас еще очень не тем, что бы мне хотелось.

Можете поверить мне: месяца через два у меня будет готов второй вариант и я Вам незамедлительно вышлю, и буду рад одному только тому, что Вы это прочтете, а все остальное будет зависеть только от Вас.

Желаю Вам всего-всего хорошего.

21.XII.63

М.Дудин» [Шухов И.И., 1988: 149].

И действительно через полгода в 6 номере за 1964 год в «Просторе» выходят «Песни Лебяжьей канавке» (которые в том же году были опубликованы в сборнике «День поэзии»), а также главы из повести «Где наша не пропадала». Сложно сказать, мог ли Дудин, посоветовать своему в некотором роде протеже Алексееву обратиться в «Простор», с которым он сам сотрудничал и о котором мог иметь представление как о журнале, где могут пройти полузапрещенные верлибры, но такая возможность также не исключена.

Обобщая сказанное выше, можно, пожалуй, заключить, что к 1968 году шуховский журнал уже был широко известен. Поэтому ленинградский поэт-верлибрист Геннадий Алексеев и мог рассчитывать на публикацию, отправляя свои стихи в Алма-Ату. После двух напечатанных в «Просторе» подборок решение не пускать слишком «веселую»

---

<sup>30</sup> Антипина З.С. Тема народной вольницы в творчестве В.В. Каменского // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2012. №2. С. 139.

поэму «Стенька Разин» вполне могло быть частным выбором заведующего отделом поэзии. О его независимости в подобных вопросах пишет в статье «Школа Шухова» Юрий Герт:

Случалось, он [Шухов] говорил, обращаясь к Валерию Антонову, заведующему отделом поэзии:

— Как хотите, но я этого не понимаю! Не понимаю и не принимаю. Накручено, наверчено, — черт знает что такое!.. А вам нравится? Даже очень?.. Хм-м... Ну, тогда забирайте и печатайте» [Шухов, 1979: 216].

Мы не знаем о непосредственном участии лично Шухова в подготовке публикации Алексеева. Возможно, он и вовсе ей не занимался. Но сложившаяся к тому моменту его репутация «либерального» редактора, «казахстанского Твардовского», определенно позволила этой публикации осуществиться.

## Заключение

Попытки констатировать смерть русскоязычных толстых литературных журналов в последние годы кажутся преждевременными, но можно, наверное, говорить о том, что их время прошло. Нет никаких оснований предполагать, что социальная значимость толстых журналов когда-нибудь будет сопоставима с оттепельным периодом или концом 1980-х — началом 1990-х годов.

Современный «Простор», к сожалению, не является исключением, но тем интереснее посмотреть на период его расцвета и установить, каким образом провинциальный литературный журнал — сугубо локальный феномен — вышел за свои пределы и стал значимым культурным явлением. Выбранный нами метод рассмотрения резонансных публикаций и их фиксаций в эго-документах, как кажется, для этих целей вполне продуктивен.

Попробуем сформулировать основные выводы этой работы. В первую очередь стоит подчеркнуть, что расцвет журнала связан с фигурой его главного редактора И.П. Шухова. Именно его редакторская политика и литературный авторитет сделали возможным небывалый взлет интереса к небольшому алма-атинскому журналу не только в Советском Союзе, но и, как мы смогли убедиться, за рубежом. Поэтому журнал после его отставки практически сразу же утратил свой статус. Как записал в дневнике М. Поповский 8 октября 1975 г.: «Письма же сотрудников „Простора“, которые я ныне получаю, сплошной стон и вой. „Редактор — дурак и трус, — пишет тридцатилетний Владлен Берденников, приславший мне первую свою книгу. — В ‘конторе’ — разброд. Рукописей толковых нет и работать тоскливо!...“» [Поповский, неопуб.] Авторы же отправляли свои тексты не столько в «Простор», сколько в журнал, которым руководил Шухов.

Хронику же этого довольно непродолжительного периода успеха журнала можно описать следующим образом: в самом начале своего редакторства Шухов, вдохновившись примером Твардовского и его «Нового мира», использовал свои личные знакомства (как в случае со вдовой Платонова) и просто литературный авторитет для публикации неоднозначных, с точки зрения советской цензуры, текстов. Каждая такая публикация привлекала к «Простору» все большее внимание и укрепляла статус издания, способного печатать на своих страницах неподцензурные некогда произведения. Здесь показателен отрывок из письма Н. Манделъштам Е. Маймину: «Постарайтесь достать алма-атинский



„Простор“ (№9); там напечатана повесть „Джан“ Платонова. Прочтите! Они хотят печатать подборку О.М.». Очевидно, одна большая смелая публикация служила магнитом для последующих. Поздний же период редакторства Шухова связан с наибольшим давлением на журнал цензуры, но при этом также ознаменован наибольшим признанием «Простора» среди неофициальных и непризнанных писателей и поэтов. Об этом свидетельствуют и переговоры Солженицына с редакцией журнала по поводу потенциальной публикации 1-й части «Ракового корпуса», и тот факт, что ленинградский поэт-верлибрист Геннадий Алексеев, помимо редакций столичных журналов, отправил свои рукописи и в алма-атинский «Простор».

После снятия Шухова журнал переживал не лучшие времена. В конце 1980-х годов он даже запятнал свою репутацию публикацией одиозного романа В. Успенского «Гайный советник вождя», в котором в восторженных тонах преподносилась фигура Сталина (что тем не менее обеспечило всплеск читательского интереса и, соответственно, кратковременное увеличение тиража). Сегодня дела с журналом обстоят тоже довольно плачевно. Тираж отдельных номеров может составлять несколько сотен экземпляров и редко превосходит тысячу. Будучи по-прежнему главным печатным органом Союза писателей Казахстана (являющимся ультраконсервативным, провластным учреждением), журнал предоставляет свои страницы преимущественно его членам. Каких-либо изменений в лучшую сторону в ближайшее время ждать не приходится. Однако опыт шуховского «Простора» является прекрасной иллюстрацией того, как один неравнодушный литературный деятель, обладающий сильной (в том числе политической) волей, практически в одиночку способен переломить ситуацию. Так почему бы этому опыту не повториться?

## Литература

1. МЭ — Мандельштамовская энциклопедия в двух томах. Том 2. Гл. ред. П.М. Нерлер, О.А. Лекманов. М., 2017.
2. Алексеев — Алексеев Г.И. Неизвестный Алексеев // ЛитРес [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://biblio.litres.ru/gennadiy-alekseev-2/neizvestnyy-alekseev-neizdannye-proizvedeniya-kultovogo-avtora-serediny-xx-veka/>
3. Алексеева — Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР. Вильнюс–Москва, 1992.
4. Водовозова — Водовозова Е.Н. На заре жизни. Воспоминания. СПб., 1911.
5. Волков — Волков С.М. Большой театр. Культура и политика. Новая история. М., 2018.
6. Гаспаров, 2000 — Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха. М., 2000.
7. Гаспаров, 2012 — Гаспаров М.Л. Избранные труды. Том IV: Лингвистика стиха. Анализ и интерпретация. М., 2012.
8. Герт — Герт Ю.М. Семейный архив. Seagull Press, 2002.
9. Гладков — Гладков А.К. Дневник. Публ., вступ. и комм. М. Михеева // «Новый мир», 2014, №3.
10. Кузьмин — Кузьмин Н.П. От войны до войны. Ночные беседы // Молодая гвардия, 1989, №7. С. 9–107.
11. Куприянов — Куприянов В.Г. «Невидимая скрипка» // «Арион», 2001. №3.
12. Любищев — Любищев А.А. О монополии Т.Д. Лысенко в биологии. М., 2006.
13. Малыгина — Малыгина Н.М. Художественный мир Андрея Платонова. М., 1995.
14. Мандельштам, 2006 — Мандельштам Н.Я. Третья книга. Воспоминания. М., 2006.
15. Мандельштам, 2008 — Мандельштам Н.Я. Об Ахматовой. М., 2008.
16. Мандельштам, 2015 — Мандельштам Н.Я. «Посмотрим, кто кого переупрямит...»
17. Медведев — Медведев Ж.А. Взлет и падение Лысенко. М., 1993.
18. Надежда Яковлевна Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах. М., 2015.
19. Нерлер — Нерлер П.М. «Вот у меня в руках „Простор“ Эпизод из истории посмертной публикации стихов Мандельштама на родине» // Тыняновский

- сборник. Выпуск 13: XII–XIII–XIV. Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. М., 2009. С. 523–534.
20. Орлова — Орлова Р. Хемингуэй в России. Анн-Арбор, 1985.
  21. Поповский — Поповский М.А. Дело Вавилова (Главы из книги). Вместо предисловия — интервью с автором. Примечания И. Мдивани // Память. Исторический сборник. Париж, 1979.
  22. Поповский, неопуб. — Поповский М.А. Семидесятые (записки максималиста). Режим доступа: <http://edvig-arhiv.narod.ru/popovsky-semidesyatye.htm>.
  23. Сараскина — Сараскина Л. Александр Солженицын. М., 2008.
  24. Сойфер — Сойфер В.Н. Власть и наука. Разгром коммунистами генетики в СССР. М., 2002.
  25. Солженицын — Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни. М., 1996.
  26. Солженицын, материалы — Дело Солженицына I. Париж, 1970.
  27. Твардовский — Твардовский А.Т. Новомирский дневник (1961–1966). М., 2009.
  28. Шаламов — Шаламов В.Т. Воспоминания. М., 2001.
  29. Шухов И.И., 1988 — Шухов И.И. Дорога к дому. Алма-Ата, 1988.
  30. Шухов И.И., 2011 — Шухов И.И. Бодался «Иван Денисович» с Иваном Петровичем. Нива, 2011. №5. С. 132–138.
  31. Шухов, 1979 — Воспоминания об Иване Шухове. Алма-Ата, 1979.
  32. Шухов, 2004 — Иван Шухов. Современники и земляки о жизни и творчестве писателя. М., 2006.
  33. Федотова — Федотова А.А. Юбилей Николая Вавилова в меняющихся политических контекстах // Историко-биологические исследования, 2015. №2.
  34. Фрезинский — Фрезинский Б.Я. Я слышу все... Почта Ильи Эренбурга. 1916–1967. М., 2006.
  35. Черноголовина — Черноголовина Г.В. Мертвое колесо. Алматы, 1993.
  36. Эйдельман — Эйдельман Н.Я. Дневник Натана Эйдельмана / Публ. Ю. Мадоры-Эйдельман. М., 2003. Цит. по: <http://prozhito.org/person/254>. Дата обращения: 06.05.2018.
  37. Юрчак — Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014.

## Kokkuvõte

Selle töö eesmärgiks on uurida Alma-Ata ajakirja Prostor tegevust 60-70-ndatel aastatel, kui selle peatoimetajaks oli kirjanik Ivan Šukhov. Sellel perioodil (varsti pärast Stalini surma, nn. sulaajal) mitmes provintsiajakirjas (näiteks, Kirjanduslik Gruusia, Kirjanduslik Armeenia, Ida täht jpt) avaldati tekste, mis tsensuuri tõttu ei saanud ilmuda ametlikke ajakirjade lehekülgedel. Prostoris oli see võimalik tänu Ivan Petrovitš Šukhovile. Antud töös me proovime uurida Prostori mõju selle kaasaegsete mälestuste abil, et paremini aru saada, kuivõrd tähtis see sotsiaalse fenomenina oli.

Töö esimeses osas kirjeldame lühidalt Ivan Šukhovi biograafiat ning Prostori ajalugu enne Šukhovi peatoimetaja ametisse nimetamist 1963. aastal. Šukhovi ja tema kaastöötajate jaoks oli tähtsaks mõjutajaks Moskva ajakiri Novy Mir, mille peatoimetaja Alexander Tvardovskij oli Šukhovi isiklik eeskuju. Novy Mir oli tuntud kui käsitletava ajastu liberaalseim ajakiri, mille tõttu võib väita, et Prostori töötajad püüdsid saada ajakirja Novy Mir filiaaliks. Esimese osa lõpus kirjeldame publikatsioonide liigitust, mida võtame siis kasutusele töö teises osas. Leiame alust arvata, et kõik resonantspublikatsioonid rikuvad mingisugust keeldu ning keelud tüüpide järgi liigitades võime ka tekste jaotada 3 gruppi: 1) tekstid, mida keelas Stalini ideoloogia metadiskurs; 2) tekstid, mis ründavad nomenklatuuri autoriteeti; 3) tekstid, mis ei vastanud ametliku nõukogude kirjanduse normidele.

Teises osas vaatleme resonantskirjutisi, nende avaldamise ajalugu ja lugejate retseptsiooni. Meie arvates kuuluvad esimesse gruppi Ossip Mandelštami hilised luuletused (Prostor, №4, 1965) ja Andrei Platonovi proosa (№9, 1964), teisse gruppi — Mark Popovski jutustus „Akadeemik Vavilovi 1000 päeva“ (№№7–8, 1966), mis käsitleb Vavilovi ja Lõsenko vastasseisu 30-ndate aastate lõpus, kolmandasse gruppi — Leningradi luuletaja Gennadi Aleksejevi vabavärssid (1968, №6, ja 1969, №3). Eraldi me analüüsime Solženitsini katset avaldada Prostoris oma romaani „Vähktõvekorpus“ esimese osa ning arutame, miks see ei toimunud.

Lõpetuseks võtame kokku tehtud tööd ja räägime lühidalt Prostorist pärast Šukhovi aega ja tänapäeval.

## Lihthitsents lõputöö reprodutseerimiseks ja üldsusele kättesaadavaks tegemiseks

Mina, \_\_\_\_\_ Sergey Kim \_\_\_\_\_,  
(*autori nimi*)

1. annan Tartu Ülikoolile tasuta loa (lihthitsentsi) minu loodud teose

\_\_\_\_\_ Kirjandusajakirja Prostor retseptsioon I.P. Šukhovi peatoimetaja ametiajal aastatel  
1963–1974 (egodokumentide põhjal) \_\_\_\_\_,  
(*lõputöö pealkiri*)

mille juhendaja on \_\_\_\_\_ Roman Leibov \_\_\_\_\_,  
(*juhendaja nimi*)

reprodutseerimiseks eesmärgiga seda säilitada, sealhulgas lisada digitaalarhiivi DSpace kuni autoriõiguse kehtivuse lõppemiseni.

2. Annan Tartu Ülikoolile loa teha punktis 1 nimetatud teos üldsusele kättesaadavaks Tartu Ülikooli veebikeskkonna, sealhulgas digitaalarhiivi DSpace kaudu Creative Commons'i litsentsiga CC BY NC ND 3.0, mis lubab autorile viidates teost reprodutseerida, levitada ja üldsusele suunata ning keelab luua tuletatud teost ja kasutada teost ärieesmärgil, kuni autoriõiguse kehtivuse lõppemiseni.
3. Olen teadlik, et punktides 1 ja 2 nimetatud õigused jäävad alles ka autorile.
4. Kinnitan, et lihthitsentsi andmisega ei riku ma teiste isikute intellektuaalomandi ega isikuandmete kaitse õigusaktidest tulenevaid õigusi.

*Sergey Kim*

**28.05.2019**